

The background of the cover is a painting of a forest. In the upper part, there are several tall, green pine trees against a clear blue sky. In the lower part, the forest is denser with various shades of green. On the left side, a person is seen climbing a large tree trunk. The overall style is that of a classical landscape painting.

Василий Лягоскин

Ультиматум президенту

Вторая книга о Серой Мышке

Василий Лягошкин

**Ультиматум президенту.
Вторая книга о Серой Мышке**

«Издательские решения»

Лягошкин В. И.

Ультиматум президенту. Вторая книга о Серой Мышке /
В. И. Лягошкин — «Издательские решения»,

Это вторая книга о приключениях подполковника Натальи Крупиной. Автор взял на себя смелость в рамках художественного вымысла внести в события нашей недавней истории несколько драматических событий. Неизвестно, как повернулась бы история, если бы они произошли на самом деле. И если бы в нужном месте и в нужное время не оказалось Серой Мышки...

© Лягошкин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Май 1999 года. Россия. Ковров. День «X»	6
Глава 2. Ковров. Привокзальная площадь	16
Глава 3. Ковровский вокзал	24
Глава 4. Москва. Ресторан «Плакучая ива»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ультиматум президенту Вторая книга о Серой Мышке Василий Иванович Лягоскин

© Василий Иванович Лягоскин, 2016

ISBN 978-5-4483-0761-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Май 1999 года. Россия. Ковров. День «Х» Лидка Кочергина

Май пришел на среднерусскую равнину вместе с теплой погодой. Апрель лил дождями; заставлял торопливо бредущих прохожих кутаться в плащи и теплые куртки. Под стать погоде было и настроение абсолютного большинства горожан. Еще вчера ничто не говорило о празднике. Апрель, казалось, готов был передать Международному дню солидарности трудящихся слякоть и вездесущую грязь. Но кто-то там, наверху, смиловился, и теперь жидкие колонны манифестантов радовались теплоте весеннему солнышку. На тротуарах людей было больше; казалось, весь Ковров вышел в этот выходной день на улицу.

Лужи на разбитом асфальте были уже не свинцово-серыми – они тоже повеселели, засверкали солнечными бликами и бензиновыми разводами; то и дело вздрагивали под ногами неосторожных прохожих.

Лидка Кочергина – девка в самом соку; двадцати трех лет отроду и гораздо мудрее, чем это полагалось в столь юные годы, радовалась хорошей погоде пожалуй больше, чем обычные обыватели. Ее озорные глазки под нависшей челкой волос цвета спелой ржи задорно блестели. Она и так по жизни была великой оптимисткой, несмотря на неудавшуюся первую семейную жизнь, недавний развод и отсутствие на сегодня даже какого-то подобия замены для сбежавшего муженька.

День сегодня обещал быть очень удачным для ее нехитрого бизнеса. Лидка торговала семечками. В свои неполные двадцать три она надежно – трактором не сдвинешь – вросла в длинный ряд лоточников на привокзальном рынке. Два года, что она провела на этом месте, научили молодую женщину многому. Это была уже не та несмелая девчонка, которая в первый раз выставила на столике мешок с товаром и два мерных стаканчика. Теперь она не отворачивалась стыдливо, когда видела бывших одноклассников, и просто знакомых. Напротив – она еще и подзывала их, раньше остальных торговков, обладая громким – истинно базарным голосом.

Вот и теперь, увидев знакомое лицо, она закричала, заставив старушку, торговавшую рядом кучками сморчков, испуганно шарахнуться в сторону:

– Наташка!

Женщина, которой она закричала, и которая никак не отреагировала на этот призыв, придиричиво перебирала вялые мандарины метрах в пятнадцати от нее, на развале, радуя глаза покупателей. Глаза, но не кошельки – потому что большая часть привозного товара была не по карману среднестатистическому ковровчанину. Впрочем Кочергина знала, что фрукты и овощи там были на любой вкус и кошелек. Она сама там нередко отоваривалась и потому знала еще, что мандарины, в которых сейчас копалась ее давняя подруга, были самыми дешевыми и самыми кислыми.

– Наташка! Крылова!!! – этот призыв был услышан.

Крылова с видимым облегчением бросила в кучу цитрусовых единственный приглянувшийся ей мандарин, и направилась к подруге, таща за собой дочку. Ребенок лет четырех-пяти, для которого так и не выбрали заморских фруктов, тете Лиде обрадовалась больше, чем ее мать. Девочка хорошо знала, что мандарины, которые мама так и не купила, невкусные; кислые и вялые. Рядом лежали другие – ярко-оранжевые и сладкие, брызгающие соком от малейшего прикосновения ножом. Такие ей покупали на недавний день рождения. Почему их нельзя покупать каждый день? На этот вопрос мама ответить как следует не могла. Точнее девочка не могла понять – в силу своего малого возраста – что на свете кроме мандаринов, есть еще такие вещи, как квартплата, плата за садик, и еще много-много всего, на которые

никак не хватало маминой зарплаты. А еще – семечки – вкуснющие семечки тети Лиды, которыми сейчас ее угостят. Поэтому девчушка побежала вприпрыжку впереди матери.

Лидка действительно вытащила из плоской стопки треугольных газетных кулечков один, с фотографией кого-то их московских политиков и заполнила его из особого мешочка, что хранился под прилавком.

– Держи, Верунчик!

Девочка выхватила кулечек из рук доброй тетеньки и пропищала:

– Спасибо, тетечка Лида!

А Кочергина уже улыбалась Наталье:

– Привет, подруга! Как дела?

– Дела, – вздохнула Крылова, – хуже не бывает. Зарплату вот дали за два месяца, а как ее тратить – не пойму. То ли всю за один раз извести и нажраться по-человечески, да ребенка побаловать, то ли опять тянуть.

Наталья опять вздохнула – еще глубже и тоскливей – положила руку на голову дочери и повернула собственную направо. Там по дороге вниз, к вокзалу, потянулась вдруг живая река одетых в бесформенные робы парней. Солдатики, в которых защитников Отечества можно было признать разве что по автоматам, болтавшимся за плечами, да по строю, который то и дело ломался, когда один сапог натыкался на другой, вызывая натужные ругательства, были явлением совсем не примечательным для привокзальной площади. Скорее даже обыденным. Ведь в городе находилась учебная танковая дивизия. А полигоны, естественно, располагались далеко за Ковровом.

– Хотя как далеко? – Лидка вдруг вспомнила, как ездила к братишке, проходившему службу как раз на таком полигоне, – километров десять, не больше.

Но даже на такое расстояние бензина для воинских ЗИЛов не хватало. Поэтому будущим танкистам – наводчикам, радистам и командирам танков – приходилось добираться до своих учебных стальных коней на электропоезде. Пешком одолеть эти километры «гвардия» вряд ли бы смогла – не хватило бы здоровья. Они и полтора-то километра – от военного городка до вокзала – пробежали с надрывом, жадно хватая открытыми ртами воздух.

Первая колонна протопала, скрывшись за поворотом. Тут же набежала следующая, такая же запыхавшаяся, несчастная и совсем не грозная. Только командир – молодцеватый капитан, да пара сержантов, бегущие отдельно от колонны, еще могли оглядываться по сторонам и ловить недоуменные взгляды прохожих. Солдатики были обычными – такие топали мимо той же Лидки почти каждый день. Вот только было их сегодня много; очень много. За второй колонной уже набегала, громяхая кованными сапогами, третья; за ней виднелась четвертая, а там... Конца этой живой реке не было видно. А чуть дальше уже сплошной волной бежали отставшие – взводы, или отделения; Лидка во всем этом разбиралась плохо.

– Ого, – подумала она, с тоской понимая, что так удачно начавшейся сегодня торговле может прийти незапланированный конец, – да тут скоро вся дивизия окажется!

Дивизия, или нет, но минут через десять к вокзалу было не пройти. Солдатики не то что оцепили – стеной встали, перекрыв все проходы плечом к плечу. А кое-где даже в два ряда. Кочергина задала себе, а заодно и Наталье, законный вопрос:

– А как же пассажиры? Сейчас же должна уйти электричка на Владимир, в двенадцать – двадцать!

Увы – о том, что ни эта электричка, ни все следующие по графику сегодня к платформе станции «Ковров» не подойдут, не знала даже начальник станции. Солнышко между тем начало припекать совсем по-летнему. Напряженные лица бойцов смягчели; цепи начали шевелиться и появились отдельные бреши – там, где в общей цепи стояли младшие командиры. Один из таких, низенький плотный сержант, огляделся, удостоверился, что капитан стоит далеко и совсем не смотрит в его сторону и шепнул что-то соседу. А потом шустро ныр-

нул меж киосков. Вынырнул он прямо напротив Кочергиной, и та не пожалела еще одного кулечка «особых» семечек. Исключительно из любопытства – что это за невиданные такие маневры разворачивались тут, прямо рядом с ее рабочим местом?

Сержант дар принял. А попробовав семечек, каких не пробовал никогда в жизни, понял, что надо отдариваться. Чем? Только той скудной информацией, которую он и сам никак не имел права знать. Но знал – и этим знанием сейчас поделился.

– Там какие-то террористы спецсостав захватили. То ли с химическим, то ли с ядерным оружием. Так что, девочки, лучше тут не задерживайтесь; разбегайтесь по домам – мало ли что...

На «девочку» для этого бравого девятнадцатилетнего парня тянула разве что Верочка. Наталья с Лидкой, а тем более наперсницы последней по бизнесу – бабки глубоко за пятьдесят – переглянулись, невольно улыбнувшись. Самый старший – дядя Саша, единственный мужичок в их сплоченных семечковых рядах – громко хмыкнул. Но с места не сдвинулся. И никто не побежал отсюда, даже Наташка с дочкой.

А сержант решил, что свою миссию он здесь выполнил, и неторопливо вернулся в строй, сплевывая на асфальт шелуху. Торговок же, и одного торговца, прежде всего одолело любопытство. Ну и проходившая мимо электричка тоже имела немаловажное значение. Бурный поток пассажиров с нее в удачный день позволял собрать половину дневной выручки. Лидка, сообразив быстрее остальных, что никаких пассажиров с электрички не будет, тем не менее с места тоже не стронулась. Потому что поняла – сейчас здесь, рядом с прилавками, начнут толпиться другие – те, кого не пустят на вокзал. Бизнес есть бизнес – терять возможных клиентов никто не хотел.

Толпа действительно начала собираться; сердитая и растерянная – все планы людей на праздничные дни летели в тартарары, но сами они в это пока верить не желали. Больше того – надеялись на лучшее; на то, что усталых солдатиков отправят отдыхать в казармы и поезда все таки побегут, наверстывая упущенное время.

А время бежало; отменили уже и трехчасовые электрички, о чем сообщил громкоговоритель со стороны соседнего автовокзала. Дела у Кочергиной шли хорошо. Большой мешок почти опустел, и она невольно начала жалеть, что ничего нового и интересного не происходит. Однако примерно в половине четвертого, когда она уже почти совсем решила свернуть свою торговлю, передняя солдатская шеренга встрепенулась. Солдатикам давно было скучно и тяжело. Они ведь не могли присесть в тенечке, как Лидка. Единственным развлечением для бойцов было разглядывание толпы, которая все росла, питаемая ручейками пешеходов и разовыми выбросами из регулярно подхаживших троллейбусов.

Кто-то из них и разглядел первым колонну большегрузных автомобилей. Нет – впереди колонны, которая бесстрашно и вольготно неслась против движения встречного транспорта, катил УАЗик защитного цвета. Самый обычный УАЗ с металлической кабиной и выступающим далеко вперед бампером, который водитель и направил прямо в толпу. Последняя не выдержала такого наглого напора и отхлынула за прилавки, в глубь рынка. Поэтому по одной большой генеральской звезде на погонах выскочившего из переднего автомобиля командира смогла рассмотреть только Кочергина – крайняя в семечковом ряду. А к генералу уже спешил, сбиваясь на последние, церемониальные шаги, такой же молодцеватый капитан, – тот самый, из местных.

Прибывший генерал видимо толк в воинских ритуалах понимал; больше того – уважал их, и даже может быть любил. Рапорт капитана выслушал полностью; прерывать не стал, хотя только что мчался сюда со скоростью не меньше ста километров в час. Так же тепло и уважительно он представился офицеру:

– Генерал Семенов. Здесь должен быть подполковник Трунов.

– Подполковник Трунов в здании вокзала, товарищ генерал-майор. Воюет.

– Воюет!? – удивился генерал, – так ведь договорились до восемнадцати ничего не предпринимать.

Капитан ничего о планах командования не знал. «Воюет» вырвалось у него произвольно, и он поспешил объяснить:

– С начальником вокзала он воюет, товарищ генерал-майор. Точнее, с начальницей. Та требует снять оцепление и пустить поезда.

– Требуется, – усмехнулся Семенов, – ну, с этим мы разберемся. Пошли-ка кого за Труновым, а я тут «гостей» подожду, черт бы их всех побрал.

– Гостей? – про себя удивился капитан, поворачиваясь по-уставному и подзывая к себе взмахом руки сержанта – того самого, любителя семечек.

Сержант подбежал, стерева на бегу прилипшую к губам шелуху, и также принялся печатать на подходе к высокому начальству шаг. Но генерал, увидевший, как дернулась была рука сержанта к пилотке, отвернулся, показывая, что для церемоний время кончилось. Что пора дело делать, да побыстрее. Он повернулся как раз к Лидке, окинув ее взглядом всю – от задорно торчащего носа и насмешливых зеленых глаз до не менее вызывающе торчащих коленок. Эти коленки были стратегическим оружием Кочергиной. Круглые и аппетитные, они невольно привлекали к себе мужскую половину покупателей.

Вторым секретом, объясняющим ее феноменальные, по сравнению с остальными, успехи в бизнесе, был тот самый мешочек с семечками, из которого она угостила Верочку. Раз в месяц – когда реже, а иногда и почаще – Лидке удавались чудо-семечки. Каленые так же, как и все другие порции, они были много вкуснее; да что там говорить – были просто фантастически вкусными. Лидка их берегла; подсыпала сверху на ту горку перед собой, из которой и наполняла один за другим мерные стаканчики. Горка же насыпалась из другого, большого мешка.

Генерал об этом секрете естественно не знал. Но к Кочергиной произвольно дернулся; хотел что-то спросить.

– Семечек, конечно, – сообразила Лидка, – не коленки же его мои смутили.

Молодцеватого генерала-десантника вообще было чем-то трудно смутить. Но вот семечек ему сейчас погрызть захотелось до жути – тут Кочергина уловила правильно. А нельзя – недостойно генеральского чина. Особенно на глазах рядового и младшего офицерского состава. Поэтому он отвернулся от Кочергиной, огляделся пошире, охватив взглядом все – и неровную шеренгу солдатиков, и толпу, с надеждой взирающую на него из глубин рыночных рядов, и большую площадь – троллейбусное кольцо. Наконец генеральский взгляд скользнул по троллейбусной остановке и остановился на серой громаде недостроенного здания.

– Это что? – ткнул он пальцем в стройку, где не было видно ни одного рабочего.

– Новый вокзал будет, – ответил подскочивший капитан, – только неизвестно когда.

– Электричество там есть?

Капитан неопределенно пожал плечами.

– Сварка там работает, – неожиданно подсказала Лидка, – только сегодня праздник, все гуляют.

Генерал-майор кивнул, даже не обернувшись, и совсем негромко произнес:

– Рычков!

Неведомый пока Рычков, сидевший до сих пор в УАЗике, услышал и выскочил, словно чертик из табакерки, оказавшись десантным майором. Если бы вся российская армия состояла из таких орлов, как майор Рычков или сам генерал Семенов! Последнему видимо тоже пришла в голову подобная мысль. Он недовольно поморщился, еще раз окинув взглядом шеренгу совсем уже сомлевших солдатиков, потом явственно подобрел, остановившись на майоре и кивнул на серую недостроенную громадину:

– Командуй разгрузку, майор. Капитана Суровцева ко мне!

– Есть, – козырнул Рычков и направился – быстро, очень быстро; но не побежал, а именно направился выполнять приказ.

Колонна была длинной. Последний автомобиль едва поместился на длинной улице. Но майор не побежал вдоль бесконечного ряда трехосных КАМАЗов, кузова которых были покрыты брезентовыми тентами. Он сунулся на секунду в кабину переднего, и тут же отправился назад. Почти сразу же из КАМАЗов посыпались бойцы. Как передавалась команда от первого до последнего, Кочергина так и не поняла; не заметила. Но автомобили освободились от живого груза почти одновременно. Десантники свою задачу знали на все, или почти на все случаи жизни. Сейчас они молча и сноровисто строились в монолитные шеренги.

Это были солдаты! Немногим старше тех, что уже несколько часов изнывали под солнцем, десантники превосходили их во всем – даже не на голову... Это был просто другой уровень подготовки. От шеренг, от этих накачанных ловких парней, вооруженных укороченными автоматами, какие местные «бойцы» видели только на картинках, веяло силой и уверенностью.

От середины колонны уже стремительно двигался, догоняя майора, еще один офицер – капитан Суровцев, как правильно угадала Кочергина. К генералу он подошел, чуть отстав от майора. Семенов довольно кивнул, оглядев свое воинство, растянувшееся по улице, и тут же посуровел, покатав желваки на скулах, очевидно вспомнив, зачем здесь находится и он сам, и его гвардейцы.

– Суровцев! – повернулся он к капитану, – бери взвод и занимай эту крепость. Обустраивай там командный пункт. Наладить связь с дивизией, с Москвой и объектом.

Он махнул рукой на недостроенное здание, которое возвышалось над окрестностями, одновременно отпуская этим жестом капитана. Нового приказа генерал-майор отдать не успел – подошел подполковник Трунов. Подполковник тоже был «местным», из учебной дивизии. Этот низенький крепыш с багровым лицом, лоснящимся от пота, явно был недоволен. Недоволен всем – и свалившейся на голову «боевой задачей», о которой ему толком ничего не сказали; семенящей рядом женщиной в форменном железнодорожном кителе – той самой начальницей Ковровского вокзала; наконец, незнакомым генералом, который в отличие от него был подтянут, бодр и свеж.

Трунов небрежно козырнул, представился, пожал генеральскую ладонь и отступил на пару шагов в сторону. Подполковник словно передал железнодорожницу по эстафете и этим сбросил с плеч сразу половину незримого груза.

– Что же это творится, товарищ генерал?! – набросилась на Семенова нарядная начальница, – мне людей отправлять надо, а этот... Этот! – ее строгий пальчик ткнулся в грудь подполковника, – перекрыл все пути, да еще и дорогу к вокзалу. Вы можете мне сказать, когда пойдут поезда?

– Не могу! – отрезал Семенов; он сейчас сильно напоминал генерала Лебеда – в его лучшие, приднестровские годы, – пойдут, когда поступит приказ!

– А убытки!? Вы знаете, сколько дорога теряет каждый час? Кто убытки будет возмещать?

С этим вопросом генерал-майор хотел отправить женщину по привычному адресу – к Пушкину. Но тут он вовремя вспомнил недавние лекции, что проводили в подразделениях заместители по воспитательной работе по случаю двухсотлетия великого русского поэта; подумал, что Александру Сергеевичу в этот год точно не до проблем железнодорожного транспорта. К господу богу посылать тоже было нельзя – бывший ГлавПУР бывшей Советской Армии запретил трогать это лицо еще до начала реформ. Поэтому генерал Семенов вслух решил, что покрывать убытки Горьковской железной дороги будет наместник бога

на Земле – папа римский. Подполковник Трунов не возражал, а мнение начальника вокзала Генерала уже не интересовало (как и самого папы тоже). Он снова обратился к Трунову:

– Пути надежно перекрыл?

Подполковник нерешительно пожал плечами.

– Поставил по шеренге. Отрезал состав с двух сторон.

– И все?! – удивился генерал, – А если состав тронется? Что твоя шеренга сделает? Под колеса бросится? Давай-ка начинать смену караула. А то скоро должны прилететь «гости». Не дай бог увидят твою гвардию – испугаются и отменят посадку.

Подполковник за «гвардию» обижаться не стал. Он уже оценил бравый вид десантников и сам желал поскорее убрать своих солдатиков. Майор Рычков отправился к колонне с новым приказом генерала. «Смена караула» произошла на удивление быстро. Лишь начальница не оценила четких действий крылатой пехоты. Она с ужасом глядела вслед небольшой колонне вооруженных людей, которые получили отдельный приказ – при помощи подручных средств наглухо перекрыть пути...

Через десять минут на станции «Ковров-1» был единственный полномостный хозяин – генерал-майор Семенов. Из гражданского персонала остались лишь сама начальница, пара связистов, да дежурная бригада путейцев. Единственным островком, неподвластным генералу, был тот самый состав из двадцати четырех вагонов, почти ничем не отличавшихся от обычных. Лишь опытный глаз мог отметить, что вагоны эти были намного длиннее. Иначе бы как в них поместились баллистические ракеты с ядерными боеголовками? Так что в одном шустрый сержант не соврал – ядерное оружие на станции действительно было. Но самому городу оно угрожало лишь одним – сейчас в эту точку земного шара срочно пере-нацеливались десятки других ракет; в основном из-за океана.

Единственной видимой для непосвященных особенностью состава были окна, которые обычно были завешены шторками веселенькой расцветки. Сейчас часть из них была сдвинута, а может, и безжалостно содрана – так, что хорошо были видны другие жалюзи – стальные; даже на вид очень надежные. По крайней мере генерал Семенов знал, что эта преграда не намного уступает бронированным стенам вагонов.

Однако новый комендант вокзала не спешил любоваться таинственным составом. Он проводил равнодушным взглядом длинную колонну во главе с подполковником Труновым и отошел опять к лоткам с семечками, сейчас уже почти пустыми. Но Лидка так и сидела, сверкая своими коленками. Генерал облокотился на прилавок – совсем рядом с Кочергиной, бросил на нее еще один оценивающий взгляд. Но оценивал явно не взглядом нормального здорового мужика. Он словно решал – не стоит ли отселить подальше от «объекта» и эту представительницу российского бизнеса.

Кочергина заискивающе улыбнулась ему; она уже считала себя причастной к тому таинству, что сейчас разворачивалось вокруг. «Отселение» посчитала бы вопиющей несправедливостью.

– Семечек, товарищ генерал, – в ход пошел уже весь «особый» мешочек.

И Семенов на этот раз не удержался, подцепил ладошкой горсть – и не зря. Семечки оказались отменными; таких генерал никогда не пробовал.

Так, добавляя свою толику шелухи на ковровский асфальт, он наконец дождался своих «гостей». Шум мотора донесся теперь сверху – на подмогу десанникам стремительно снижался вертолет. Лидка в винтокрылых машинах совершенно не разбиралась. Но даже она поняла, что этот «гость» не наш, не российский. На бортах вертолета крупно белели буквы «USA», а длинный узкий хвост был украшен звездно-полосатым флагом.

Вот теперь Кочергина действительно почувствовала, что дело серьезней некуда. Поняла раньше – когда генерал молодцевато выскочил из своего УАЗика, а почувствовала только сейчас.

Вертолет кружил и кружил над привокзальной площадью, выбирая место для посадки поудобней. А место, между прочим, уже было подобрано – майором Рычковым. Он сначала наметил для посадки троллейбусное кольцо; тот ровный пяточок разбитого асфальта метров пятидесяти в диаметре. Майор не знал, какой прилетит вертолет. Зато он знал воздушных кудесников, которые могли посадить на этот пяточок любую летающую громадину. В американском вертолетчике Рычков не был так уверен. Поэтому не стал нарушать еще и троллейбусного сообщения города. О том, что случилось бы с вертолетом, и людьми в нем, зацепи винтокрылая машина лопастью троллейбусный провод, Рычков как-то не подумал. Вернее подумал, но исключительно в контексте возможного международного скандала. Нынешних «союзничков» майор откровенно не любил.

Место посадки гостей пришлось менять. В результате ковровчане, оставшись с троллейбусами, лишились междугородних автобусных перевозок. Стоянка местного автовокзала была очищена так же быстро и безжалостно, как чуть раньше вокзал железнодорожный. Два бойца стремительно раскатали брезент с намалеванным на нем знаком, обозначающим центр безопасной посадки.

Но стальная махина, неведомо как оказавшаяся в самом центре российского Нечерноземья, не спешила садиться. Теперь даже Лидка – без подсказки генерала – проняла, что «гости» обследуют территорию. Проводят согласно своим каким-то уставам и наставлениям, воздушную разведку, прежде чем приступить к наземным действиям. Наконец тяжелая машина резко клюнула носом вниз, исчезнув на короткое время из поля зрения и Лидки, и генерала. Американец, сидевший за рычагами, тоже был мастером своего дела.

– Другого сюда и не послали бы, – недобро прищурился Семенов; у него к американским военным тоже были счеты – еще давние, афганские.

Вертолет американец посадил резко и точно – почти так же, как высаживали когда-то Семенова со взводом, а потом ротой в Афгане. Только здесь вертолет не встречали пулеметные очереди и «Стингеры».

– Американские, между прочим, – еще сильнее нахмурился генерал-майор.

Он, конечно же, не побежал встречать заморских гостей. Для таких целей у него был Рычков. Майор и привел их – сначала четверых. Впереди браво вышагивал офицер, наверное ветеран какой-то (а может, и не одной) американских войн. Семенов понял это по количеству планок на груди. У него самого таких планок было не меньше; по ним знающий человек мог прочитать воинскую биографию российского генерала не хуже, чем в написанной им собственноручно автобиографии. Главный из «гостей» видимо таким умением обладал. Он скользнул взглядом по груди генерала, на мгновение почтительно вскинув кверху брови; потом остановился на лице Семенова – и замер. Он словно пытался разглядеть что-то знакомое в этом лице – обычном лице русского мужика, которого нелегкая, полная опасностей служба подняла достаточно высоко в армейской табели о рангах.

Наконец он оторвал взгляд от лица и опять застрял взглядом на орденских планках, словно пытаясь в них прочесть что-то смутно знакомое. Американец несомненно оценил наличие на груди планок боевых орденов – «Красного Знамени» и целых трех «Звездочек». Такие за работу в тишине кабинетов давались очень редко, по большому благу. Значит генерал – и по возрасту, и по этим самым наградам – служил в Афганистане. Гость понял это, а поняв спохватился, что слишком долго и бесцеремонно разглядывает встретившего его хозяина.

Впрочем, последнего слова он не сказал даже про себя; хозяевами американцы давно никого не называли – даже из вежливости. А хозяин – сам Семенов в этом не сомневался – насторожился, тоже прильнул взглядом к офицеру напротив. И тоже почему-то вспомнил Афган. Может потому, что точно так же, как сейчас офицер, протягивающий ему ладонь для знакомства, улыбался когда-то давно молоденький американский офицер. С тех пор прошло

два десятка лет, но на Семенова словно опять дохнуло резким запахом сгоревшего пороха, и еще более резким и противным амбре зиндана. И американец наверное тоже ощутил что-то подобное, потому что улыбнулся теперь же совсем жалобно и заискивающе – именно с такой улыбкой и увидел его там, в зиндане, старший лейтенант Семенов. Бывший лейтенант Рональд Ротмэн постарел; немного погрузнел. Стал полковником каких-то элитных частей армии США, но был вполне узнаваемым.

Генерал Семенов мог бы рассказать занимательную историю об этом человеке – хотя бы той же Лидке Кочергиной. Но делать этого, естественно, не стал. В том числе и потому, что хвалиться там особенно ни ему, ни американцу было нечем. За сидение в вонючей глубокой яме орденов не давали. Ладно бы, два молодых офицера сами выбрались, героически перебив душманскую охрану... Так нет – их выручила девка, имени которой Семенов старался не вспоминать, хотя сделать это было совсем не просто. Наташка, старший лейтенант Крупина, во второй раз тогда попала на жизненном пути Семенова; надо было признать – очень вовремя. Но увидеть в третий раз эту вредную девку он не хотел бы. Хотя и искренне пожалел ее – еще там, за речкой, когда с ней произошла какая-то мутная история.

Полковник Ротмэн принял пробежавшее по лицу генерала недовольство на свой счет; по этой пробежавшей на слепленных сейчас словно из каменных глыб скулах тени понял, что русский его узнал, и что скрывать знание русского языка бессмысленно. Свой порыв броситься к генералу, как к родному человеку, он тут же подавил.

– Полковник Ротмэн, – все же представился он; слишком сухо и официально.

– Генерал-майор Семенов, – все так же каменно-бесстрастно козырнул русский начальник.

Подчиненных генерал представлять не стал – сами по ходу познакомятся. Точно такого же мнения придерживался американец. Он не стал называть пока ни двух белокожих рослых зеленобереточников, ни еще более могучего негра, который свой берет скомкал в громадной ладони.

Лидка только глянула на него, и внезапно потеряла интерес и к генералу, и к старшему американцу с двумя другими офицерами, и даже к загадочному «объекту», который собрал здесь всех этих людей. Сначала Кочергина мучительно старалась вспомнить, где раньше видела это черное лицо, внезапно улыбнувшееся ей. И только когда смешанная командирская группа – из Семенова с Рычковым и трех «белых» американцев отправилась осматривать «объект», она поняла – перед ней стоял тот самый чернокожий актер, который в каком-то фильме дрался с непобедимым Шварценеггером. В кино крутой Арнольд конечно же победил, насадив двойника американского сержанта на осколок стекла. На деле же – с какой-то непонятной гордостью подумала Лидка, – этот большущий негр скорее всего за пару мгновений заломал бы и «железного Шварца», и какого-нибудь Ван Дамма, и... На этом память Кочергина на боевики иссякла; она любила смотреть совсем другие фильмы, в которых мужчины были одеты в строгие тройки и голыми торсами, увитыми мускулами, не щеголяли. Как оказалось, сержант Ник Бэском – так свали афроамериканца – тоже мог смотреть в глаза напротив миролюбиво, даже ласково. Именно так он глянул на Лидку, махнув вслед своему и российскому начальству так небрежно, словно именно он дал сейчас разрешение осмотреть «объект». А взгляда своего от Кочергиной так и не отвел. Так было что посмотреть! В первый момент американец сунулся к Кочергиной с достаточно суровой физиономией и она испуганно отшатнулась на своем стуле, вскинув кверху круглые колени.

Сержант метнулся взглядом уже на них, и еще глубже. Зрелище того стоило. Лидка давно забыла, что в школе ее звали Кочергой – именно из-за тонких, чуть вывернутых ножек. Теперь ее ноги могли служить эталоном этой части человеческого тела; куда там до них тощим западным моделькам. А уж что промелькнуло промеж них!

Негр успел прочитать на Лидкиной недельке по-английски: «Среда», – кивнул одобрително. То ли открывшейся на мгновение картине, то ли подтверждая, что сегодня, первого мая, действительно среда – даже в России. Его толстые губы при этом чуть шевельнулись, а затем такая же толстая складка сложилась на лбу. Он словно пытался что-то вспомнить. Если бы Ник был хоть на капельку уверен, что эта русская деваха с аппетитными ляжками понимает по-английски, он бы рассказал ей о своем детстве, о деде, который знал обо всем на свете. И о России тоже – о медведях на улицах, о трескучих морозах, о сиволапых мужиках и бабах, которые носят таинственные портки. «Портки» оказались вполне современными, а все остальное... Сержант огляделся, не обнаружил рядом ни одного косолапого; погода тоже стояла вполне себе флоридская, откуда был родом Бэском. Однако повод познакомиться с русской красоткой уже был – спасибо деду.

Он ткнул прямо перед собой толстым пальцем, похожим на сардельку производства Ковровского мясокомбината и добродушно прогудел:

– Порьтки?

Кочергина несмело фыркнула, и Бэском опять напряг память и могучие голосовые связи:

– Семьечки?

– Семечки, семечки, – кивнула Кочергина; насчет семечек она много что могла рассказать.

Но не успела – только залиvisto расхохоталась, когда негр вспомнил еще одно, последнее пока для него русское слово:

– Наташка?

Кочергина даже повернулась, словно рядом по-прежнему стояла Наташка Крылова с дочкой; но та исчезла, как только услышала про химию, да про ядерное оружие. Зато совсем рядом, в каком-то метре по счастливой случайности сидела еще одна Наталья, Лидкина конкурентка. Этой Наташе было лет шестьдесят, и килограммами она могла сравниться с Ником; пожалуй, была даже потяжелее. Она расплылась на своем стуле и с вполне понятным интересом наблюдала за этим диалогом. А потом и разулыбалась, когда Лидка ткнула пальцем в ее необъятное пузо:

– Она, она Наташка, – с хохотом сообщила Кочергина Нику.

– Ноу, – отшатнулся и залопотал что-то на своем непонятном огромный сержант.

Из длинной испуганной тирады Кочергина поняла лишь все про ту же Наташку, поэтому, не прерываясь от смеха, представилась:

– Да не Наташка я, Лидка! Лид-ка. Понял, – и для убедительности похлопала себя по груди.

Эта часть женского тела тоже удостоилась благосклонного кивка чернокожего чужеземца; он постарался с той же интонацией, что русская, произнести:

– Лит-ка.

Кочергина поощряюще кивнула и улыбнулась; однако до такой степени, как ей ответил Ник, растянуть губы не смогла.

– Наверное специально перед зеркалом тренировался, – с завистью уставилась она на сверкающие эмалью зубы, которых кажется во рту у Бэскома было намного больше тридцати двух. А он, так же сверкая улыбкой, выпалил, словно закрепляя урок:

– Лит-ка, порьтки, семьечки!

– Семечки, – Кочергина кивнула, о подвинула вперед заветный мешочек.

Ник осторожно зачерпнул своей ладонью, напомнившей Лидке совковую лопату, и разгрыз первую.

– О! – брови, едва заметные на черном лице, взметнулись вверх в изумлении и восторге, и на какое-то время его рот превратился в автоматическую молотилку – или как там называется агрегат, который шелушит подсолнечник на заводах?

– Бизнес? – спросил он наконец, с трудом оторвавшись от такого увлекательного занятия.

Это слово, к его удивлению, Кочергина поняла.

– Ага, бизнес, – кивнула девушка, – будь он неладен. Сидишь тут целыми днями как проклятая...

Она перевела взгляд мимо негра – туда, где несмотря на оцепление, текла праздничная река ковровчан; совершенно так же лениво и бездумно, как нынешняя жизнь Лидии Кочергиной. Руки ее тем временем стукнули друг о друга два пустых стаканчика. Она словно чокалась сейчас с кем-то невидимым, кому только что пожаловалась на свою загубленную жизнь. Это она так сама считала – загубленную – в свои двадцать три года!

Ник понял этот глухой стук по-своему и полез в карман. Он выудил оттуда стодолларовую купюру и ловко сунул ее, уже свернутую трубочкой, в большой стаканчик.

– Ты что, – замахала а него руками Лидка, – у меня же сдачи не хватит.

– Бери-бери, – зашипела рядом Наташка, не отрывая толстого зада от сиденья, но дотянувшись все-таки кулаком до Лидкиного бока, – у него их там полный карман.

Глазастая была старушка, всегда углядывала самое главное. Негр, как попугай подхватил; он на глазах становился знатоком русского языка:

– Берьи, берьи!

– Ну и ты тогда «берьи», – Кочергина сунула весь мешочек в черную ладонь, а к другой, теребящей зеленый берет, поднесла горсть российской мелочи.

Ник монеты принял; наверное на сувениры. А потом повернулся к женщине, которая оказалась непонятно как совсем рядом...

Глава 2. Ковров. Привокзальная площадь Спецпредставитель российского правительства

Наталья Крупина улыбнулась Кочергиной. Эту молодую женщину, сейчас торгующую семечками на привокзальной площади, она знала еще девчонкой. Тогда Крупина работала мастером леса в лесничестве и каждую весну набирала целую бригаду на посадку леса. Работа эта считалась престижной, денежной; в бригаду люди записывались заранее. И не каждого брали. Лидку – еще восьмиклассницу – взяли с испытательным сроком, да так и оставили в бригаде. Девушка была озорной, любила пошутить, в том числе и над начальством, но работала за двоих – не хуже опытных лесников. Потому Крупина и улыбнулась приветливо, и даже предложила помощь, которая Кочергиной совершенно не требовалась.

– Здравствуй, Лида. Пристает черненький?

Рядом с огромным сержантом Крупина выглядела совсем птенчиком, но это «черненький» прозвучало так естественно, и как-то... снисходительно, что Кочергина в первое мгновение обиделась за своего нового знакомого. А потом узнала Наталью, и просияла лицом.

– Ой, тетя Наташа, здравствуйте! Сколько лет, сколько зим! Вы так неожиданно пропали, так пропали... Бабы в лесничестве все языки истрепали, все гадали – куда вы подевались. Вернулись? – спохватилась она, – насовсем вернулись?

– Еще бы не трепать, – усмехнулась про себя Наталья, с удовольствием разглядывая давнюю знакомую, – после того, что устроили им следователи из самых разных служб. А может и бандиты подсутились. Хозяин-то двух миллионов тоже до сих пор наверное икру мечет.

Она кивнула головой, словно ответив утвердительно на вопрос, но вслух все же повторила про сержанта:

– Не пристает союзничек? Может шугануть его отсюда, чтобы не мешал торговле.

Тут ее взгляд остановился на сотенной бумажке; Наталья поняла, что торговле американец скорее способствует, чем мешает. Но Бэском уже что-то прочел в словах Крупиной, в том снисходительном тоне, который женщина, которая так не вовремя вторглась в завязавшийся диалог, позволила допустить в его адрес.. Это он понял на подсознательном уровне, генами далеких предков, которых когда-то давным-давно привезли в ту самую Флориду. И хотя Ник сейчас представлял самую могучую цивилизацию, какая существовала на Земле, он невольно почувствовал себя рядом с Крупиной ущемленным; говоря словами классика – униженным и оскорбленным.

С длинным витиеватым ругательством, которое не каждый его соотечественник смог бы полностью понять, Бэском припечатал свою ладонь по тугой заднице этой нахальной тетки; по серым брюкам ее костюма. Костюм этот, кстати, стоил много больше его годового жалования. Но совсем не по этой причине Наталья не позволила коснуться руке американского сержанта своего тела; особенно в такой интимной его части. Она вообще никому не позволила бы делать такую глупость. Глупость – потому что Бэском наверное впервые в жизни узнал, причем так обидно и жестоко, что не надо совать свои шаловливые ручки куда не следует. Он еще и мешочек с семечками выпустил на грязный асфальт. А цели своей так и не добился.

Потому что какая-то невероятно могучая сила, против которой Ник ничего не мог противопоставить, подняла его в воздух и швырнула на этот же асфальт, лицом на мешочек. Вряд ли даже его инструктор по боевым искусствам смог бы определить, как было возможно направить собственную энергию Бэскома против него же. Этой энергии хватило, чтобы не только распластать громадное тело по асфальту, но еще и добавить вслед его движению

несколько быстрых, практически неуловимых ударов. Сам Бэском эти удары конечно же уловил; еще как уловил! Потому что благодаря им он сейчас лежал, корчась внутри себя от унижения и ярости. Внешне же эти чувства никак не проявлялись – сержант лежал недвижно; он не мог открыть даже рта, лишь мычал, как бычок перед убоим. А нахальная русская еще и запрыгнула на его широкую спину и потопталась на ней, утверждаясь на этом таком своеобразном постаменте.

Еще Наталья подмигнула ошарашенной Кочергиной и бросила вниз, поверженному зеленому берету, несколько слов:

– Лежи парень, отдыхай. Семечки свои погрызи – не зря же сотню баксов отстегнул. А я пока с важными людьми побеседую. Мне так удобнее.

Удобнее было в том смысле, что теперь Крупина была почти вровень с вернувшимися наконец начальниками. Российский генерал и американский полковник застыли шагах в трех от нее. Причем первый застыл столбом, изобразив на лице какую-то злорадную, и даже кровожадную ухмылку. Только вот к кому она относилась – к Наталье, или к сержанту, что наконец начал кряхтеть под ней? Крупина ухмыльнулась ему еще нахальной. Полковник рядом чисто инстинктивно поднял руку, останавливая своих спутников. Зеленые береты, возвышающиеся двумя громадинами за его спиной, не были друзьями Ника. Они вообще увидели его сегодня в первый раз. Но вместе с их чернокожим сослуживцем русская тетка топтала сейчас форму солдата армии Соединенных Штатов!

В их глотках начал зарождаться какой-то грозный гул – словно два вулкана никак не решались извергнуть из своих недр высокий столб огня и сжигающую все на своем пути лаву. Но, как уже говорилось, полковник Ротмэн заставил эти вулканы клокотать внутри себя. Не во избежание скандала, каким могло оказаться наказание этой наглой русской тетки, как скорее всего подумали два офицера в зеленых беретах. Нет – скорее в целях их собственной безопасности. Потому что полковник первым узнал Крупину...

Афганистан. Февраль восемьдесят второго года. В горах было ощутимо холодно. Еще холодней было в глубокой яме, куда бросили избитого лейтенанта Алана Ротмэна. Он сидел, привалившись спиной к влажной стене зиндана, не в силах от нее оторваться. Лейтенант чувствовал, как эта стена буквально высасывает последние крохи энергии из тела, но расположиться поудобнее; найти уголок посуше в этой вонючей яме не было ни сил, ни – главное – желания. Потому что сейчас, в первые минуты, его заполняли жгучая обида и растерянность. Как же так – он, офицер Соединенных Штатов, с блеском окончивший Вест-Пойнт, летел как на крыльях, чтобы помочь несчастным моджахедам, изнывающим в неравной, но справедливой борьбе с русским монстром и оказался вдруг в этой яме. Не у русских, не у их приспешников, подло захвативших власть в Кабуле. Нет! Его бросили сюда по приказу полевого командира Хашимулло, который дома, в Америке, считался одним из столпов сопротивления Советам. Таких «столпов», как оказалось, в этой горной стране было великое множество, что не могло не радовать душу американского офицера. Это с одной стороны. С другой – каждый из них, какую бы не нес благородную миссию, оставался диким горцем – своенравным, зачастую ставящим собственные прихоти и видение мира даже выше, чем законы шариата, которым на словах они истово следовали.

Лейтенант не мог знать, что то отвратительное действие, свидетелем которого он стал пару часов назад, как раз этими законами предусматривались. Его заставил выскочить из каменной хижины, куда его определили на постой, девичий крик, полный муки и ожидания какой-то совершенно ужасной участи. До центра горного кишлака, в котором – как он уже знал – все жители так или иначе были родственниками, и жили по законам, установленным Хашимулло, который был главным в роде, он добрался в десяток огромных скачков. Он вылетел на площадь, оттолкнув по пути какого-то парня, одетого слишком легко для зимнего утра, и застыл на месте. Бэском не знал, на чем остановить взгляд – на искаженном от ярости

сти лице бородатого Хашимулло, на поднятых кверху руках горцев, в которых были зажаты увесистые булжники, или...

Он словно споткнулся взглядом, остановив его на тоненькой фигурке, привязанной к столбу посреди площади. Это была совсем юная миловидная девушка; даже наверное красивая – если бы эту красоту не портила гримаса смертельного ужаса. Рядом, на истоптанной земле валялась какая-то тряпка. Совсем недавно она, как правильно понял лейтенант, покрывала эту голову с разметавшимися по плечам бесчисленными тонкими косичками. Что такого ужасного могла сотворить эта девчонка, которой наверное было не больше пятнадцати лет? Лейтенант не знал, и не хотел знать!

Теоретически он представлял себе, что такой вид средневековой казни – избиение, а затем и умерщвление камнями, до сих пор существует. Но самому присутствовать при этом; практически участвовать – а он вдруг почувствовал себя палачом, лишь только заглянув в темные, заполненные мукой и вспыхнувшей внезапно надеждой, глаза – он не пожелал. А потому и подступил к вождю клана с горячей, путанной от гнева речью. Сейчас, стараясь не двигаться, утихомирить тем самым боль в побитом теле, он пытался вспомнить, о чем говорил; какие слова бросал в невозмутимое, заросшее черной бородой до самых глаз, лицо Хашимулло. Но не мог, сбивался на то самое лицо, которое вдруг дрогнуло и стало расплываться в злой, предвкушающей улыбке. Вождь бросил лишь одно короткое слово, которое лейтенант, усиленно практикующийся в пушту, не понял. Зато понял, а затем принял своим телом, одетым в камуфляж без всяких признаков принадлежности к какой-нибудь из армий мира, его смысл. Хашимулло словно скомандовал: «Пли!», – артиллерийской батарее, в котором вместо стальных снарядов были каменные ядра. И шквал таких снарядов тут же обрушился на лейтенанта. Алан в отличие от несчастной жертвы, скорчившейся отв центре площади, не был лишен возможности сбежать от камней – в первые мгновения. Но удачно попавший в затылок камень бросил его наземь. И там ему оставалось лишь корчиться под градом увесистых снарядов. Или ползти в поисках защиты к сапогам Хашимулло, который не проронил больше ни одного слова. Делать последнего Бэском не пожелал и потому дергался на утоптанной земле все слабее и слабее. Пока наконец в его затуманенной от того самого удара голове, которую он старался защитить руками, не прозвучало еще одно слово вождя. Сознание само перевело: «Хватит!».

Град, заставлявший тело дергаться уже инстинктивно, тут же прекратился, и лейтенант услышал, а скорее почувствовал, как неторопливо, по-хозяйски, подошел вождь. Он представил себе, как тот гнусно ухмыляется, возвышаясь над желторотым птенцом, который пытался учить его, Хашимулло, воевавшего всю сознательную жизнь, тактике боев в горной местности. А теперь еще и посмеявшегося вторгнуться в святое святых – его абсолютную власть над каждым членом рода.

– Иншалла, – расслышал над собой Бэском еще одно короткое слово, и перевел его уже вполне сознательно: «На все воля аллаха, милостивого...»

– Как же, милостивого! – успел усмехнуться он в израненной душе.

В следующее мгновение на спину, уже покрытую множеством ушибов и синяков, обрушился милосердный удар камчи – горской плетки. Милосердный, потому что он пришелся на ребро, очевидно сломанное одним из ударов. Лейтенант провалился в темноту и уже не ощущал, как его волокли за ноги по кривой улице вдоль высокого глинобитного дувала, как сбросили в глубокую яму и как оборвался наконец последний, самый мучительный крик девушки – казнь все-таки свершилась...

Два дня лейтенанта не кормили – совсем. Спускали на веревке кувшин (по местному – кумган) с водой, восхитительно свежей для трясущегося в горячке американца. Внутренние повреждения не прошли даром. Что-то там воспалилось; да еще оказалось, что левая рука была сломана – скорее всего уже в яме, когда бессознательного Ротмэна сбросили вниз. Рука

в локте распухла так, что едва умещалась в рукаве. Но кричать, требовать хотя бы элементарной медицинской помощи лейтенант не пытался. Он стал за эти два дня мудрее и осторожнее. А еще – понял, что вряд ли попадет когда-нибудь на родину. Если, конечно, не случится какого-нибудь чуда.

Человек, которого скинули чуть ли не на голову Ротмэну, на чудо никак не походил. Увидев его падение на глиняный пол, Алан невольно содрогнулся – представил, как сам летел вниз, словно куль с картошкой. Про картошку он подумал зря – в животе, сведенном от голода, тут же что-то засвербело. Но лейтенант уже научился бороться с такими приступами. Надо было просто отвлечься, переключить внимание на что-то неаппетитное. Таким был человек, лежащий, раскинув руки совсем рядом с углом, который американец определил под туалет. Пользовался он им не так часто – «диета» позволяла – но запашок оттуда был все-таки...

Скорее всего этот запах и заставил прибывшего таким необычным способом незнакомца зашевелиться, а потом рывком сесть, привалиться к влажной стене зиндана точно так же, как лейтенант в первый день отсидки. Теперь, когда на незнакомца падал слабый свет от отверстия сверху, лейтенант разглядел его.

– Русский, – невольно прошептал он, причем на языке Пушкина.

Русский язык Алан знал довольно хорошо; специализировался в нем во время учебы в военном училище. Потому наверняка и попал в Афганистан, где знание языка противника было чуть ли не определяющим.

– Русский, русский, – зло проворчал новый сиделец, – кого ты еще мог увидеть здесь?

Потом он зашевелил носом, пару раз чихнул и буквально возопил, подпрыгнув на месте на ягодицах:

– Чем это тут воняет? Несет, словно из..., – он вдруг закашлялся, словно подавился миазмами, а потом, шустро передвигаясь – так же, на ягодицах – по стеночке подальше от «туалета», захохотал, – так мы в этом самом нужнике и оказались! С внутренней стороны.

Американец невольно улыбнулся, а потом искренне позавидовал русскому. Сам он так раскатисто хохотать не смог бы – сломанные ребра не позволили бы. А русский уже был рядом – протягивал ему широкую ладонь.

– Ну, давай знакомиться, что ли... Иван... Старший лейтенант Иван Семенов.

Лейтенант осторожно вложил в нее свою ладонь – левой, не поврежденной руки, и представился в свою очередь:

– Алан. Лейтенант Алан Ротмэн... Армия Соединенных Штатов Америки.

Русский протяжно просвистел. Но лица хмурить не стал, даже улыбнулся.

– Ух ты, – воскликнул он, – американец! Живой американец.

– Ты хочешь сказать, – тут же ошетинился Алан, – что хороший американец – это мертвый американец?

– Ну... как-то так! – опять захохотал старший лейтенант; захохотал так неудержимо, что Ротмэн не удержался, захихикал вслед, не забывая о боли, что готова была взорваться внутри.

Едва успокоившись, восстановив дыхание, русский стал допрашивать Алана – не очень профессионально, но весьма эмоционально:

– А тебя-то за что сюда? Вы вроде как союзники душманам. Оружие поставляете, и все такое...

Про «все такое» Ротмэн мог бы рассказать многое, но естественно не стал. Душманов – того же Хашимулло – он союзником теперь не считал, но от этого не перестал быть офицером американской армии, самой могучей в мире, несущей другим странам блага цивилизации и демократии. Он лишь скупо рассказал об истории с казнью, и о том, как сам оказался в зиндане. Русский оказался не намного разговорчивей. А при воспоминании о бое с душ-

манами, когда его, контуженного, связали, словно барана, и привели сюда, вообще погрузился в такую черную меланхолию, что Алан не решился больше тревожить его расспросами. Но Семенов грустил не долго; больше того – тут же обвинил в этом грехе американца:

– Ты не грусти, парень, – он осторожно хлопнул по плечу Алана; по неповрежденному – уже зная, куда даже касаться нельзя, – недолго нам тут сидеть. Вытащат нас – русские своих не бросают.

Вот эту фразу: «Русские своих не бросают!», – от и посчитал провозвестником того самого чуда, которое не могло не произойти.

– Только вот дожить бы до него, – сморщился Алан от боли, которая вдруг стрельнула в распухшей руке.

Он так и не решился посмотреть на эту рану, которая угрожающе выпирала сквозь грязный камуфляж; не дал посмотреть на нее и русскому. Больно уж решительной была физиономия у старшего лейтенанта; не принялся бы он тут же «лечить» сотоварища по зиндану. Ни американца, ни русского так и не подняли наверх – для допроса, издевательств, или еще для чего. Их словно вычеркнули из жизни. Даже за помятым кумганом, в котором кончилась вода, никто не пришел. Ночью русский на удивление громко храпел. Алан не завидовал ему и не сердился – сил не было даже на такие естественные человеческие чувства. Скорее он был даже благодарен Ивану – за то, что тот своим храпом не давал Ротмэну провалиться в черное небытие. Из которого – подозревал сам американец – он мог уже не вынырнуть.

А на рассвете, когда первый луч уже прополз половину расстояния до той точки, ниже которой никогда не опускался, наверху раздалась глухие автоматные очереди. Лейтенанта уже откровенно трясло в сильнейшем ознобе; выстрелы эти заставили его трястись еще сильнее. Но русский не замечал его агонии; он мыслями был наверху, где разворачивался скоротечный бой. Еще он проворчал, заставив Алана открыть глаза:

– Лишь бы не сообразили бросить сюда гранату.

Кого он имел в виду – душманов, или тех, кто сейчас атаковал кишлак, Ротмэн не понял. Сам он думал сейчас о том, кто бросил его в зиндан – о Хашимулло. Сердце, которое бешено билось в груди, сейчас заполняла одна надежда, точнее одно нестерпимое желание – чтобы этот бородатый изувер не пережил его, Алана, чтобы...

Чернобородая физиономия вождя вдруг привиделась ему настолько явственно, что лейтенант, лежавший на спине на сыром глиняном полу и не сводивший затуманенного взгляда со светлого пятна в четырех метрах наверху, невольно моргнул – раз, и два, и в третий раз. Но лицо не пропало – вождь действительно стоял сейчас наверху, и действительно держал в руке гранату. Алан даже успел рассмотреть, что последняя была готова к взрыву – оставалось только разжать ладонь, и отпустить ее вниз. Краем глаза американец отметил, как подобрался, стал похожим на большого, израненного, но все еще опасного, зверя, русский офицер. Семенов словно примеривался, готовился прыгнуть за гранатой; поймать ее и кинуть обратно – туда, где острые осколки могли добавить свою лепту в разгром душманского логова.

Черная борода немного расплылась – это Хашимулло раздвинул губы в торжествующей улыбке. Так – с улыбкой – он и умер. Потому что живой человек – понял Алан – не мог иметь такие остекленевшие глаза. А еще – не мог выжить после того, как голова дернулась так резко, что громкий треск позвонков заставил и русского, и даже американца, уже долгое время совсем не двигавшегося, подскочить на месте. Потом картинка разделилась, и Ротмэн – непонятно как – наблюдал сразу и за тем, как огромное тело начало было падать вниз, прямо на него; и как чья-то рука дернула его к себе и в сторону, в результате чего крижистый душман упал не в яму, а рядом с ней. Упал так, что его голова, не удерживаемая очевидно больше ничем, безвольно свисала теперь вниз, все так же тараща пустые глаза на пленников.

Вторая рука незнакомца, удивительно маленькая для такой быстрой и жестокой расправы с вождем, в это время перехватывала гранату, скользнувшую из безвольной ладони и швыряла ее в каком-то нужном направлении. Взрыв наверху еще не прогремел, не заставил Алана испуганно втянуть голову в плечи, а над ямой вдруг показался спаситель... Вернее спасительница – невысокая миленькая девушка в такой же форме, как у старшего лейтенанта Семенова. Только, конечно, не такой грязной и порванной, как у Ивана.

Девушка заглянула вниз и – удивительное дело – Ротмэн вдруг уверился, что эта воительница (то самое чудо) сейчас не только рассматривает их, но и держит под контролем всю округу, где еще гремели редкие выстрелы. И даже видит, как вертится, падая в нужную ей точку, граната, которая все-таки глухо громохнула, заставив стены зиндана чуть заметно вздрогнуть. Девушка наверху на взрыв никак не отреагировала. Она наклонилась над ямой, потопталась на месте, отчего безвольная голова Хашимулло дернулась, и Алан понял – именно на спине бывшего уже вождя сейчас утвердилась воительница. Райским голосом прозвучали для американца ее слова – как и предполагал Семенов – на русском языке:

– Мальчики, вы тут живы?..

...Все это полковник Ротмэн конечно не смог бы вспомнить во всех подробностях за пару секунд, что он тупо разглядывал едва шевелящегося на асфальте сержанта Бэскома. Почему-то чернокожий здоровяк, приставленный к нему, к полковнику, против его воли, и напомнил ему тот кишлак, зиндан, и – главное – Хашимулло. Может потому, что на нем так же непринужденно, как восемнадцать лет назад, стояла, спокойно удерживая равновесие, девушка... нет – женщина, удивительно похожая на старшего лейтенанта Наташу Кручину. Именно так представилась когда-то ему спасительница. А эта женщина, вскинувшая знакомым жестом бровь в изумлении от вида двух военачальников, застывших в ступоре, вдруг улыбнулась – совершенно так же, как тогда, над зинданом:

– Мальчики, вы тут живые?

– Наташа, – прохрипел полковник первым.

– Наташка, – еще более хриплым голосом воскликнул рядом генерал-майор, – ты живая?!

– Семенов, – вздохнула Кручина тоном много повидавшей на своем веку учительницы, – был дураком – дураком и остался. Конечно живая.

Теперь – услышав про «дурака» – недовольно заворчал за спиной генерал-майора майор Рычков. Но этот вулкан тоже не проснулся. Потому что Наталья скорчила испуганную мину на лице и выпалила, словно только что разглядела большие звезды на погонах Семенова.

– Извините, товарищ генерал-майор, – едва не бросила она к непокрытой голове руку, – разрешите представиться. Кручина Наталья Юрьевна; специальный представитель Правительства Российской Федерации.

– Черт! – выдохнул Семенов.

Об этом; точнее этой представительнице его предупредили. Заместитель министра обороны, сообщая ему этот прискорбный факт, как-то странно поглядел на него. «Прискорбный» – потому что с этой минуты командование переходило к этой женщине, давней...

– Нет, – признался все-таки себе Семенов, – не недругу! Давней сослуживице. И человеку, что спас меня там, в Афгане. И тебя, кстати, тоже.

Он скосил взгляд на американца, который сиял рядом лицом, не решаясь броситься вперед. Оба они, бывшие сидельцы в зиндане, последние полчаса, нарезая круги сначала вокруг состава, а потом и более широкий – вдоль цепи оцепления российских десантников – приглядывались друг к другу, не решаясь вспомнить тот день, закончившийся для них так удачно.

А Наталья первой шагнула вперед, остро ощутив, как рада она крепким мужским объятиям. Сначала русскому – пахнувшему свежестиранным камуфляжем, чуть-чуть потом и – показалось ей – казармой родного Рязанского училища. А потом и американцем, в котором (Крупина незаметно сморщила носик) мужское начало заметно перебивал какой-то парфюм. Но все равно – она была рада и этому полковнику; ему персонально, а не тому тайному делу, с которым прилетел сюда на вертолете американский десант.

– Ах да, – чуть не хлопнула она себя по лбу, уже шагнувшая было туда, где можно было начать разговор о деле, об «объекте», – чуть не забыла!

Тут Наталья немного слукавила – она никогда и ничего не забывала; специально обучалась когда-то этому. Сейчас же она повернулась, и склонившись над громадным телом, шлепнула его по внушительной даже под форменными штанами ягодице; потом еще раз – по другой. Чернокожий сержант оба раза послушно подпрыгнул на месте, удивительным образом оторвавшись от асфальта ожившими мышцами могучего пресса. Потом он одним текучим движением, показывающим на годы тренировки у знающего сэнсея, оказался на том же асфальте, и на тех же ягодицах, которые буквально горели от таких несильных внешне ударов. А еще горели лицо и уши, что проявилось лишь в том, что кожа вместо иссиня-черной стала серой; горели от ярости. Но эту ярость вскочивший так же упруго на ноги сержант обрушить ни на кого не успел. Потому что раньше его официальным до скрежета в зубах тоном подполковник Крупина обратилась к старшему американскому офицеру:

– Полковник Ротмэн!

Американец невольно вытянулся.

– Что полагается по вашим уставам низшему чину, поднявшему руку на старшего офицера?!

Ротмэн замешкался в мучительных сомнениях. Ответ был; и он – скорее всего – соответствовал положению в российском уставе. Но этот сержант напротив («А может, и не сержант», – мелькнула мысль в голове) не был его подчиненным. Более того – он не был даже армейским. В этой операции Ник Бэском (будем называть его так) представлял вездесущее ЦРУ. И при определенных обстоятельствах имел право отдавать приказы даже ему, полковнику. Потому Ротмэн и вздохнул почти облегченно, когда русская скомандовала сама, как-то объяснив себе замешательство полковника:

– Ну хорошо, пусть дует в вертолет и не высовывает из него своего носа. Иначе что? – она повернулась к Бэскому и мило улыбнулась – так, что сержант отскочил на безопасное, как он посчитал, расстояние от этой женщины, – иначе оторву твои... и не посмотрю, что на сегодня вы наши союзники..

По дрогнувшим от ярости крыльям приплюснутого носа подполковник догадалась, что Бэском прекрасно понял ее слова, и что вся та пантомима, что разыгрывалась недавно у прилавка на ее глазах, была искусным спектаклем. В исполнении «сержанта», конечно. Лидка Кочергина свою партию играла совершенно искренне.

– Кстати, насчет Кочергиной, – остановила она взгляд на торговке, уже не наблюдая, как Ник действительно улепетывает в вертолет, – что-то мне говорит, что ты, девочка, сегодня еще годишься...

Слова эти вслух не прозвучали; но на лице Крупиной как-то отразились, потому что Лидка несмело улыбнулась ей с немым же вопросом:

– Я тут подожду, ладно?

И Наталья действительно сказала:

– Подожди меня тут, Лида. Я скоро вернусь, поболтаем, хорошо?..

– Но.., – попытался возразить генерал.

– Правильно, – повернулась, прерывая его Крупина, – всех остальных отсюда вон. Прикажете очистить площадь от посторонних, товарищ генерал.

Ее рука протянулась в сторону небольшой кучки зевак, что еще толпились меж прилавков. Рука эта не успела завершить полукруг, описывающий тех, кто подлежал немедленной эвакуации; она вдруг остановилась на нелепой фигуре, замершей метрах в трех от нее. Фигуре страшно изломанной; прежде всего это касалось его рук, которые паренек поднял, попытавшись заслониться от ее взгляда. Это ему удалось – не сразу, так что Наталья успела прочесть в его глазах узнавание, смешанное с ужасом. Она на мгновение замерла; тут же внутренне встряхнулась, определив по какому-то вбитому давным-давно в голову методу:

– Этого человека я вижу в первый раз. А он меня определенно узнал... Ну или принял за кого-то. Но совершенно определенно – испугался до усра.., – Наталья сама устыдилась такого раньше простого и понятного в обиходе слова; теперь, для нее – «княгини Мышкиной» – совершенно не подходящего, даже кощунственного, – в общем, испугался. Чего?

А паренек, двигаясь боком, словно краб, уже ввинтился в жиденькую толпу и сам себя эвакуировал с площади...

В штаб, как уже назвали недостроенное здание вокзала, группу командиров повел майор Рычков. Генерал-майор успел уже шепнуть бравому десантнику, тоже, кстати выпускнику Рязанского десантного училища, кто идет рядом с ними в сером стильном костюмчике. Потому майор и оглядывался поминутно на женщину, чье имя до сих пор было легендой в стенах училища. Даже несмотря на то, что с доски лучших выпускников ее фотографию давно содрали с корнем.

Наконец Рычков ввел их в большое помещение, которые когда-нибудь наверняка должно будет стать чем-то вроде зала ожидания. Никаких кресел и скамеек тут пока не было; зато были громадные застекленные окна, в которые были прекрасно видны и железнодорожные пути, и тот самый мост, на котором два года назад гражданин «Хреннарыло» устроил дорожно-транспортное происшествие с участием сразу трех автомобилей ГИБДД и, наконец, ажурный пешеходный мост, под которым, кстати, и стоял на путях длинный «объект». Зал уже обрел почти обжитой вид. В углу что-то бубнили, уставившись аппаратурой, связисты; двое офицеров не отрывали взглядов от ракетного состава, сереющего внизу молчаливой громадиной.

К ним и подошли генерал-майор с американским полковником. Рычков и два других американца, решившихся все-таки снять зеленые береты в зале, душном из-за закрытых плотно окон и солнца, бывшего прямо в глаза, стояли чуть позади. Но и им было прекрасно виден этот внешне совсем не зловещий «объект». А уж Наталье, которая прошла с хозяйским видом вдоль всех окон, и смотреть на него не было никакой нужды – она, в отличие от всех остальных здесь, знала как выглядит этот состав не только снаружи, но и внутри. Потому что к этой поездке готовилась. И знала, что должно было произойти через пять минут – ровно в восемнадцать часов по московскому времени.

Глава 3. Ковровский вокзал Наталья Крупина и Лидка Кочергина. Ах какие женщины...

– Ну что тут у вас, – генерал Семенов строго поглядел на подчиненных, что вытянулись перед ним, не отрывая, впрочем, взглядов от состава. Так же, скосив глаза за окно и вниз, старший из них, капитан, чью фамилию пока никто не назвал, доложил:

– Все по-прежнему, товарищ генерал! Никаких звуков, никаких шевелений. Ни там, – его палец ткнулся в толстое стекло, – ни в эфире. Словно они все там попередохли.

– Хорошо бы, – вздохнул Семенов; потом решился и повернулся к стоявшей уже рядом Наталье, – товарищ спецпредставитель...

– Да ладно уж, – махнула рукой Крупина, – давай по имени-отчеству (она скосила взгляд на офицеров, при которых просто по имени с генералом общаться было не очень удобно).

– Ну тогда я Иван Михайлович, – улыбнулся Семенов.

– А я просто Алан, – втиснулся между ними американский полковник, – у нас как-то не принято по-отчеству.

Только Наталья расслышала, как чуть слышно фыркнул Рычков; так же правильно она оценила его сарказм: «Все-то у вас, америкосов, не как у людей», – и тут же согласилась с ним.

А Ротмэн тем временем продолжил:

– А я ведь, Наталья, искал вас. Подлечился дома, и начал искать. И не только я.

– В каком смысле: «Не только я?», – чуть ошетибилась Крупина.

– Видите ли, уважаемая Наталья, – склонил в коротком кивке голову американец, – вас за спасение жизни американского офицера Конгресс Соединенных Штатов Америки наградил Почетной медалью. А вручить так и не вручили. На официальный запрос Конгресса ваш МИД ответил, что старший лейтенант Крупина в рядах Советской Армии не числится.

– Во как! – не выдержал рядом Семенов.

Он помнил ту отвратительную историю, в которую вляпалась Наталья Юрьевна, предполагал, что с ней поступили очень круто. Но чтобы вот так, отказаться от человека, офицера совсем...

– И ведь не соврали, собаки, ни на грамм, – совершенно спокойно подумала Крупина, – в Советской Армии я к тому времени уже не числилась. Интересно, что бы Конгрессу ответили, если бы они догадались послать запрос в КГБ?

– Ну что ж, – рассмеялась она совершенно искренне, – считайте, что награда нашла героя.

– Это как? – озадачился Ротмэн.

– Очень просто, – она оторвала наконец взгляд от окна, – вот закончим с этой проблемой, и слетаю в Вашингтон. Надеюсь, мою медаль там не замылили?

Последнее слово полковник понял только в контексте; мою ли в Конгрессе с мылом незатребованные награды, он не знал; точнее очень сомневался в этом. Но сказать не успел, потому что Крупина рядом подняла руку, привлекая всеобщее внимание, а потом ткнула ею в окно:

– Смотрите, сейчас будет самое интересное.

В ее голосе было столько уверенности и даже... торжественности, что и генерал, и полковник, и их свита, и даже связисты, привставшие со своих стульев, уставились вниз, на состав, практически не мигая. Зрелище внизу стоило того. Крыша одного из центральных

вагонов вдруг дрогнула и стала делиться пополам, словно в мультфильме. Да и вся эта картина сейчас, предвещавшая кому-то апокалипсис, напоминала сейчас кадры кинокартины на экране. Не дожидаясь, пока створки разойдутся полностью, из нутра вагона выглянула острый носом ракета. Вертикального состояния она достигла невероятно быстро – или так это показалось большинству «зрителей». Лишь Крупина чуть заметно кивнула – все эти передвижения точно укладывались в нормативные сроки. Командовали ими опытные офицеры, обученные еще советской воинской школы. И ею же воспитанные. Что толкнуло эту элиту Советской, а ныне Российской армий встать на путь открытого неповиновения, даже измены? Крупина пока не знала.

Она не стала сейчас командовать; видела, как цепи десантников стремительно разбегаются, прячутся в заранее намеченные укрытия.

– Значит, – довольно кивнула она, – вариант номер «Два» до тебя, Иван Михайлович, довели. Дай бог, чтобы дело не дошло до варианта «Три». Впрочем, для этого я сейчас здесь и нахожусь.

Она покосилась на американцев – на двух офицеров из свиты – которые дернулись было подалеже от стекол, таких хрупких, таких ненадежных перед грозным действием, что сейчас разворачивалось совсем рядом. Алан не шелохнулся, он зачарованно провожал взглядом поднимающуюся ракету. И офицеры не решились отскочить в безопасное место. А Крупина, еще раз усмехнувшись, теперь уже открыто, не стала успокаивать их; говорить, что надежность этих стекол была проверена – заранее. И специалистам, которые определили, что им сейчас ничего не грозит, можно было доверять. По крайней мере сама Наталья доверяла.

Наконец ракета замерла. Все дружно вдохнули воздух в грудь и задержали дыхание, словно это могло остановить сумасшедшего, коснувшегося сейчас пальцем большой красной кнопки внутри изолированного помещения в составе. И палец этот не дрогнул; решительно нажал на пластик, олицетворявший собой смерть тысяч, а может и миллионов людей.

– Ничего он не олицетворяет, – прикрыла глаза от ослепительной вспышки Наталья, – ни миллионов, ни тысяч, ни даже одного человека.

Это она прошептала практически неслышно; гораздо громче выкрикнула, пытаясь перекрыть и грозный гул, замирающий вдали, и эхо от него, соединившееся с где-то все-таки не выдержавшими воздушной волны стеклами, и общий горестный стон, что раздался в будущем зале ожидания:

– Успокойтесь, товарищи... и господа! Ракета не несет ядерного заряда. Это простая болванка, которая должна упасть на остров в океане, – потом, помолчав, добавила, уже в наступившей тишине, – в Тихом океане. В двенадцати тысячах километрах отсюда.

– И никого там не убьет? – вскричал первым Ротмэн.

– Если только на голову свалится, – иронично прищурилась Наталья.

– Значит это был спектакль, – отчеканил полковник, – значит вы все это время водили НАС (тут он явно имел в себя не себя, не даже собственное начальство, а ВСЮ АМЕРИКУ) за нос.

– Ага, – теперь так же зло прищурилась Крупина, – за длинный нос, который вы суετε в каждую дырку. Не беспокойтесь, спектакля тут чрезвычайно мало. И там, в составе, действительно сидят преступники. И там действительно есть ракеты с ядерными боеголовками. И нам надо остановить их – и преступников, и ракеты!

– Но как?! – отшатнулся от ее порыва полковник.

– Пока не знаю, – пожала плечами Крупина, – может, это нам подскажет?

Она опять ткнула пальцем в стекло, достойно выдержавшее испытание. Там, внизу, открылись жалюзи одного из окон (длинный вагон, выпустивший ракету, сразу же захлопнул свои створки). В открытом окне никого не было видно – наверное команда, или командиры там опасались точного выстрела снайпера. Зато мелькнул какой-то белый конверт. Ната-

ля повернулась было к Семенову, но генерал и сам уже отдавал приказ; совсем короткий, из одного слова:

– Рычков!

Понятливый майор тут же исчез, и появился опять так быстро, что никто не успел сказать даже одного слова. Появился с конвертом, к которому протянулись сразу две руки. И Рычков, поколебавшись, сунул конверт Крупиной, к немалой досаде своего генерала, которую тот попытался скрыть. На майора Семенов сердчать не стал. Сунул бы бравый десантник свернутую бумажку в ладонь собственному начальству, она тут же оказалась бы в руках специального представителя. Понятливый майор лишь отрезал лишнее звено в этой цепочке.

– Но все же, – чуть ревниво подумал Семенов, – мог бы и мне отдать.

Он уставился в лицо Натальи, которая по мере того, как глаза спецпредставителя пробежали по строчкам послания, меняло выражение с серьезного, даже сердитого на изумленное. Казалось, она сейчас расхохочется. Но нет – она сдержалась; лишь с коротким смешком протянула развернутый листок генералу:

– Читайте!

Семенов не стал отмахиваться от американского полковника, засопевшего за его спиной, справедливо рассудив, что это разрешение во множественном числе относится и к союзникам тоже. Ротмэн наверное читал побыстрее русского генерала, потому что стал хмыкать раньше, чем тот продрался сквозь вязь основных требований ядерных террористов.

– В общем, – подвел совсем короткий итог Семенов, – если отбросить словесную шелуху насчет права свободного народа Чечни на самоопределение, да требований наказать всех, кто причастен к гибели «мирного населения свободной кавказской республики», террористы конкретно требовали одного – свободного пропуска состава в ту самую республику, желающую отгородиться от России не только горами, но и вполне официальной государственной границей.

И этот состав, как пафосно заявляли составители требований, должен был влиться в могучую армию независимой Ичкерии.

– Во как, – покрутил головой Семенов, – значит, решили еще одну ядерную державу на глобусе нарисовать. Ну-ну...

Последнее наверное относилось и к завершающей части послания, над которой успел похмыкать американец. Русский эту часть подытожил еще короче:

– Сто миллионов долларов наличными, вина, наркотиков и девочек. Даже количество указали. Где же мы столько девочек наберем?

Про миллионы и все остальное он не спросил.

– Вот именно, – улыбнулась рядом Крупина, словно словосочетание «ядерная держава» ее совсем не встревожили, – где наберем? Могу тебе подсказать – на Горьковской трассе; хоть сотню. Рычков сгоняет. Только кто им платить будет? Я – точно не буду. Хотя...

А генерал, пребывая все в том же неторопливом раздумьи, ляпнул, не подумав:

– Вообще-то, девочка у нас тут одна...

Он тут же заткнулся, с видимым испугом бросив взгляд на Наталью. Семенов и сам вряд и мог припомнить, когда пугался чего-то в последний раз. А теперь по спине действительно потек холодный пот. Может потому, что Крупина сейчас так же, как много лет назад, могла играючи разбить репутацию непобедимого, самого лучшего рукопашника дивизии... В следующий момент он отказался верить своим глазам – Наталья глядела на него поощряюще: «Давай, продолжай!».

Но Семенов продолжить не рискнул, и Крупина закончила его мысль сама:

– А что, прогуляться, что ли; на мужичков поглядеть?

И она сделала какое-то движение телом, что у мужиков, которых хватало и здесь в буквальном смысле отвисли челюсти. Точнее всего нынешнюю позу, которую блудливо улыба-

ющаяся сорокалетняя женщина не спешила менять, охарактеризовал генерал – мысленно, конечно:

– Ну точно по-бл... ски.

А у Крупиной в душе не то чтобы все пело; просто повод, как ей пробраться внутрь состава, который она без преувеличения могла разобрать и собрать по винтику с закрытыми глазами, нашелся сам собой.

– Так ты серьезно?! – воскликнул генерал, невольно переходя на «ты», – одну я тебя не пущу!

– Сам переоденешься? – чуть не расхохоталась Наталья, – тогда давай в компанию того сержанта возьмем – чтобы «союзникам» не было обидно. Или господин полковник лично хочет убедиться, что никаких секретов у нас нет, и что все это (она обвела рукой пути за стеклом) никакой не спектакль.

Американец ее смеха не поддержал; напротив, насупился. Он выдержал небольшую паузу, а потом все-таки признался:

– Такая мысль была, Наталья... Юрьевна. Но вам я доверяю.... Нет, не так, – поправился он, – вам я безусловно верю.

– Ну и зря, – подумала Крупина, очаровательно улыбаясь.

И улыбке и тем самым позам ее учили специально; учили мастера своего дела. Другие мастера учили, что верить противнику нельзя. А сейчас напротив стоял враг; пусть временно не бряцающий оружием, пусть искренне верящий в светлое будущее американо-русских отношений.

– Пошутили и хватит, – вернула она лицу серьезное выражение, а телу официальную осанку, – давайте сюда Лидию... Кочергину. Не зря же мы ее попросили остаться.

И опять на лице Семенова появилось сомнение; да и во взгляде Ротмэна промелькнуло что-то такое, заставившее Наталью поверить, что у этого простоватого и непосредственного на вид вояки тоже были вполне квалифицированные инструкторы; и не только по физической подготовке...

Когда чуть испуганную Кочергину доставили в «штаб», подполковника Крупину было не узнать. Бежать переодеться в ближайший магазин она не стала. Побежал туда гонец на все руки (точнее ноги) майор Рычков. Побежал реквизировать несколько ящиков водки. Ну и закуску конечно – это велела специальный представитель, которая, как оказалось, сегодня даже не завтракала. Сама она тем временем удивительным образом преобразалась. Под пиджачком, который был куплен в Милане за бешенные деньги, оказалась не менее эксклюзивная кофточка, которая тут же лишилась рукавов. Четырех верхних пуговиц Наталья отрывать не стала; просто расстегнула их, показав не только верхнюю ючасть упругой загорелой груди, но и половину бюстгалтера, узнав цену которого, побледнел бы не только генерал Семенов, но и его американский «коллега». Впрочем они, да и все другие вояки здесь старательно отворачивались; точнее старались отворачиваться, невольно возвращаясь к этим мягким полукружиям, и к кружевам, подчеркивающим их, и... Наталья не пожалела и нижней части гардероба. Из сумочки вслед за маникюрным несесером появился нож, которому, вроде бы, не было место в дамском аксессуаре. Ножик этот бойцы тоже оценили. А потом мысленно, а кто-то даже вслух, совсем негромко ахнули, когда острое лезвие поползло по брюкам, оставляя от них совсем немного. Генералу даже показалось, что только пояс, да еще чуть-чуть – в том месте, где самое сокровенное берегла молния.

Крупина хитро улыбнулась и взялась было за язычок молнии – вроде как вжикнуть, попробовать, надежно ли работает этот оберег. Но это было просто небольшой шалостью; как и то обстоятельство, что от обрезков штанин она избавилась тут же, не прячась – наклонившись без всякого стеснения. Так что желающие могли увидеть сейчас, что трусики на этой женщине, которая, казалось, с каждым движением сбрасывала с плеч, и с остальных

частей тела по году, составляли единый гарнитур с бюстгальтером. Подмигивать мужикам она не стала (хоть и хотелось – честно призналась Наталья себе); оставила этот маневр для других, которых надеялась сразить не только женскими чарами.

Наконец пришла пора и для той самой косметички. Последние два года научили бывшего агента три нуля одному. В том числе и наносить макияж – эту боевую раскраску – сотнями разных способов. Несколько мазков кисточкой с тушью, помадой и тональным кремом могли преобразить женщину до неузнаваемости. И Крупина сейчас доказала это, на глазах потрясенных служивых превращаясь из холеной представительницы высших московских кругов в путану; красивую, такую же холеную, но все же продажную женщину. Последним штрихом было вернуть на лицо ту блудливую улыбку, которую она уже испробовала на окружающих. Она и вернула ее, поворачиваясь к остановившейся посреди зала Кочергиной.

Лидка давнюю знакомую не узнала. Довольная Крупина шагнула к ней, возвращая достаточно невинное выражение лицу, и Кочергина икнула, невольно сглотнув ком, который вдруг оказался в горле.

– Наталья... Юрьевна – прошептала она, не решаясь броситься к Крупиной, – что они с вами сделали?

– Это что я с ними сделала! – хотелось воскликнуть Наталье, окинувшей офицеров, и прежде всего Семенова с Ротмэном плотоядным взглядом.

Вместо того она сделала лицо еще скучнее и ошарашила Лидку, теперь уже наповал:

– Вот, Лида – товарищ генерал работу нам с тобой предлагает; высокооплачиваемую.

Семенов рядом только крикнул, а спецпредставитель – сама Наталья чуть не расхохоталась сейчас, представив, как она входит в таком виде на заседание Правительства – так вот, спецпредставитель сунула руку все в ту же сумочку, и выудила из нее пачку стодолларовых купюр. Не тонкую, и не толстую – среднюю. Но, как определил бы остроглазый сосед Лидки по рынку, гораздо объемнее, чем в кармане американского сержанта.

– Платит товарищ генерал наличными (Семенову теперь крикнуть не удалось – он этим самым кряхтением подавился) – держи.

Кочергина машинально приняла на ладонь доллары, перетянутые такой родной резиной желтого цвета и только потом спросила:

– А что надо делать?

– Пустяки, – махнула рукой Крупина, – сходить со мной в гости. Вон в тот поезд.

Лидка тут же оказалась рядом. Ладонь с купюрами была сжата так, что и Крупина, и Семенов, и даже полковник Ротмэн поняли – мысленно она уже всю тратит деньги; а может, уже и потратила.

– Так там же это... ядерные ракеты! Одна уже и улетела!

– Улетела, – согласилась Крупина, – а больше там и нет.

– Правда? – уставилась ей в лицо Кочергина.

– Абсолютно, – даже не моргнула глазом бывший агент три нуля первый.

Она могла обмануть не только эту считавшую себя многоопытной, а на самом деле такую наивную женщину; любой детектор лжи сейчас тоже поверил бы – в ракетном составе больше нет грозного оружия. Да Наталья и сама верила в это. Точнее в то, что ни ей, ни Лидке ядерные боеголовки ничем не грозят – не будут же их расстреливать в упор межконтинентальными ракетами. Что касается людей, которые этими ракетами управляют, то у них кроме красной кнопки было другое оружие, смертельное в ближнем бою.

– Но до перестрелки, девочка, не дойдет – это я тебе обещаю.

Она отвернулась, чтобы не напугать Лидку мелькнувшей на губах зловещей улыбкой. Отвернулась к косметичке – делать из базарной торговки соратницу по ночному ремеслу. Впрочем, как надеялась сама Крупина, до ночи дело все-таки не дойдет – все кончится

намного раньше. Через пару минут рядом стояла еще одна путана, и еще надо было постараться, чтобы определить – чья раскраска была сильнее готова к бою.

«Девочек» и восемь ящиков водки, к которым совсем скромно, если не сказать жалко, прилагались два пакета с закуской, до состава проводил конечно же Рычков. Он же и постучал громко камнем, подобранным тут же, между железобетонными шпалами по стальной двери вагона. Это был четвертый вагон от головы состава. Впрочем, с таким же основанием голову можно было назвать хвостом – ядерный поезд с одинаковым успехом мог передвигаться в обоих направлениях. Главное было не в названиях. Главное, что в этом вагоне находился командный пункт и те самые кнопки, к которым нужно было добраться в первую очередь. А еще – до того, кто отдавал команды начальнику спецсостава. Вот этот человек и интересовал больше всего и Наталью и того, кто послал ее в Ковров.

Да – Наталья Крупина опять была на службе; совершенно добровольно приняв предложение еще прежнего премьер-министра. Он ушел с поста; точнее его ушли – почти год назад. Но перед уходом успел назначить Крупину своим специальным представителем по кризисным ситуациям. В чем заключались ее обязанности, никто не знал; так же как никто не вел учета ее рабочего времени. На заседаниях правительства она присутствовала – сидела в самом дальнем ряду; даже не за длинным столом, где и принимались решения. Взгляд нового премьер-министра часто останавливался на ее лице. Самой Наталье было понятно, что ему мучительно хочется спросить:

– А кто собственно, эта тетка в строгом деловом костюме? И что она делает здесь, ни разу за полгода даже не открыв рта? И – главное – почему влиятельные, очень влиятельные люди, которым никак нельзя отказать, просили не трогать эту таинственную... «специального представителя». Его представителя, между прочим, председателя правительства.

И совсем уже беспомощным стало лицо премьера, когда в ходе обсуждения невероятного по своей чудовищности и невозможности происшествия – захвата террористами ядерного поезда – эта женщина встала и строго (совсем так же, как его первая учительница) прервала председательствующего на середине длинной, полной общих слов фразы. Теперь ее сходство со строгой учительницей было полным. Премьер так и подумал, что она скажет что-то вроде:

– Хватит болтать!

И не ошибся. Конечно, так прямо специальный представитель не заявила; она просто и доходчиво объяснила, что столь специфичные дела не подлежат широкому обсуждению (болтовне, иными словами) и что их должны решать люди, специально назначенные для этого. А поскольку она, Наталья Юрьевна Крупина и является специальным представителем, и именно по чрезвычайным ситуациям...

Справедливости ради надо отметить, что и без облегченного кивка премьера Крупина выехала бы в Ковров. Потому, что это все-таки был не чужой для нее город, и – главное – потому что почувствовала: кроется за этим захватом что-то другое, много опаснее и подлее, чем даже ядерный взрыв. Ей еще кое-что подсказали, подкинули – тот самый человек, что иногда позванивал премьеру...

Дверь, под которой стояли на щебенке две девицы на вид ну очень легкого поведения, а еще майор российской армии и восемь десантников, каждый из которых в одиночку принес ящик водки, так и не открылась. Крупина про себя, чтобы не портить физиономии весьма легкомысленной девицы, одобрительно хмыкнула – неведомый пока противник распорядился открыть дверь в это вместилище адского оружия в самом центре состава – там, где располагалась жилая зона; где секретов было меньше всего. Туда и понесли теперь ящики чертыхающиеся негромко парни в голубых беретах. Состав стоял на запасном пути, не у пассажирской платформы, так что девушкам на каблуках (не очень высоких, конечно, но все же!) пришлось спотыкаться по щебенке. Лидка даже негромко выматерилась, едва

не подвернув лодыжку. А от открытой дверцы, до которой оставалось метров десять, или чуть поменьше, раздался первый приказ:

– Стоять! Стоять, где стоите!

Майор выполнил уже первый приказ; еще он поднял руки, и десантники с видимым удовольствием подчинились, опустили позвякивающий груз на ту же щебенку.

– Теперь только бабы! – командовавший в проем так и не выглянул, очевидно наблюдая за ними с какой-то невидимой предполагаемому снайперу позиции.

– Я это не понесу, – капризно заявила Крупина, несильно пнув носком туфельки ближайший ящик.

Ящик отозвался чуть слышным звоном, который очевидно все-таки расслышали внутри вагона. Потому что до Крупиной, специально настроившейся на такие тихие звуки, донесся яростный шепот, а потом железный скрип – кто-то поднимал плиту, что освободила путь к ступеням. Этот кто-то оказался рослым парнем; судя по погонам – прапорщиком из охраны поезда. Перекинутый за плечо автомат с укороченным прикладом тут же оказался в его руках, и это ощущение надежности, что придает оружие, заставило его напряженное злое лицо несколько расслабиться. Теперь на эту круглую веснушчатую физиономию никто бы не навесил ярлык террориста.

Рычков – согласно одного из сценариев, которые успели обыграть еще в «штабе» – резко задвинул за свою спину и Крупину, и (сразу за ней) Кочергину. Теперь он стоял перед двумя сверхсрочниками, спрыгнувшими вслед за прапорщиком. Стоял один – молодевавший, стройный, готовый сразиться сразу с тремя противниками; и победить. Но эта победа не нужна была никому – ни самому майору, ни Наталье. А трем «террористам», двое из которых которые за внешней бравадой пытались спрятать панику в глазах, тем более. Наталья не исключала, что и эти парни, и сами они – с водкой, закуской и восьмеркой сопровождения – сейчас находятся под прицелом; особенности конструкции спецсостава позволяли. И что внутри его есть еще заложники, из-за которых сверхсрочники и боятся сейчас броситься к майору, а может и дальше – хотя бы за тот состав, цистерны которого представляли собой замечательную защиту от пуль калибра семь шесть две.

– Если только в них не залили по горлышко бензин, – бросила на товарный состав быстрый взгляд Крупина.

На цистерне грязно-белого цвета было написано: «Серная кислота», – что подполковника тоже не обрадовало. Прапорщик, а за ним оба сержанта подхватили по ящику и потащили в открытую дверь. За третьим, особым, рейсом прапорщик подошел один. Он опять постарался накинуть на лицо чувство собственной значимости, и даже вершителя судеб мира. На горца он ничем не походил; веснушчатое рыжебровое и толстогубое лицо сейчас смешно хмурилось. Он, очевидно и сам понимал, насколько уступает во всем майору-десантнику. Потому и спросил грубо, бесцеремонно выдергивая из-за спины последнего девчат:

– Че так мало-то. Нам этих двоих.., – он хотел обозвать девушек как-то очень уж заковыристо, но наткнулся на лицо Натальи – испуганное и вульгарное, в то же время удивительно прекрасное, чем-то зацепившее душу.

Наталье как-то удалось сотворить такое со своим лицом, обычно совсем неприметным. Потому что ей нужно было не только попасть внутрь, а для этого она должна была на сто процентов выглядеть, как самая обычная проститутка – это во-первых. А во-вторых, ей нужно было добраться до главных действующих лиц, и значит, чем-то отодвинуть на задний план массовку – Лидку Кочергину.

Прапорщик на время забыл обо всем, только тарачился в спину Натальи, без всякой команды шагнувшей вперед. Она уже подняла ногу, чтобы утвердиться на нижней ступени

вагона, когда он спохватился, и бросился было следом. Но тут же остановился, резко повернулся к Рычкову, вспомнив о главном:

– А где деньги? Где наркота?!

– Деньги будут, – поднял голову кверху майор; он словно высчитывал что-то, – часа через два. Из Москвы вертолетом доставят. В этом городе таких денег нет и никогда не будет. А наркотики... Насчет наркотиков приказ однозначный – в этот состав никакие наркотики не попадут. Кто хочет ширнуться – милости просим. Дозой до конца жизни обеспечим.

– Ага, – проворчал прапорщик уже не бегу, – свинцовой дозой.

Крупину между тем чьи-то крепкие руки буквально вдернули внутрь вагона; семенившую за ней Лидку злой прапорщик подсадил под крепкую задницу плечом – так что она наткнулась на спину Натальи. А та рассматривала сейчас человека, который вполне мог быть одним из ее целей. Кряжистый чернобородый кавказец в камуфляже без знаков различия рассматривал ее в упор; рассматривал с подозрением и легким недоумением. Он очевидно был уверен, что одна из этих девиц (его взгляд метнулся к Кочергиной и обратно) прислана сюда совсем не для того, чтобы послушно раздвигать ножки. Ну или не только для этого. Но сейчас его звериное чутье подсказывало – в этих русских девках нет никакой агрессии. Их глаза сейчас были заполнены страхом, и еще... Крупина решила подсказать ему:

– Нам сказали, что вы заплатите... Щедро заплатите.

Бородач вдруг захохотал, обнажив в темных волосах провал, в котором белели крепкие зубы. Наталья этот хохот для себя перевела так:

– Ай, молодец командир! Ай, красавец. Денег не прислал, еще и за этих... хочет заставить заплатить.

Губы же его сквозь смех все-таки вытолкнули наружу;

– Заплатим, красавица, обязательно заплатим. Пойдем со мной!

Он рванул ее за собой в проем двери, ведущей в соседний вагон. Нужный Наталье четвертый находился именно в том направлении, потому она и не сопротивлялась; даже подтолкнула его – мысленно. Как оказалась, ее безмолвная команда нашла какого-то адресата; в кармане чернобородого, который успел оглянуться и сообщить: «Джамал меня зовут! Запомнишь?», – затрещала рация. Такая, знала Крупина, входила в комплект командного пункта. Еще она успела в тот короткий промежуток, что Джамал вынимал продолговатый ящичек с короткой антенной из узкого для него кармана и рявкнул: «Да, слушаю!», – понять, что к Кавказу этот бородач никакого отношения не имеет. И дело было не в имени; точнее не только в имени.

– Араб, – определила по акценту агент три нуля первый, – Ближний Восток; скорее всего саудит.

Ее так и подмывало выдать какую-нибудь длиннющую цитату из Корана; даже пообещала себе огорошить Джамала этим, но потом.

– Потом, – усмехнулась она где-то глубоко внутри себя, – все потом, а сейчас послушаем, что тебе говорит твой собрат. Очень горячий собрат.

Араб, назвавшийся Джамалом, не поворачивал лица к Наталье; но она сейчас была уверена – его глаза сейчас горят гневом, а губы скривились в гримасе, обещающей немислимые страдания тому, кто сейчас изливает на него грязные ругательства. Причем, если бы они разносились в тесных помещениях вагонов, которые эта пара, соединенная руками, пробежала не останавливаясь, ярости было бы скорее всего намного меньше. На арабском же Крупина, которая оказывается совсем не забыла язык пророка Мухаммеда, не могла даже себе представить, что такого страшного натворил ее провожатый, что вызвал на себя такой трехэтажный мат с поминанием родни до седьмого колена и всех домашних животных, начиная от ишака, и кончая... Нет – этот неслыханный, нестерпимая для ушей правоверного хула все изливалась и изливалась на несчастного Джамала, пока он наконец не ворвался, тяжело

дыша от ярости и одышки, в тот самый четвертый вагон. Ворвался, чуть ли не отшвырнув от тяжелой бронированной двери соплеменника, вооруженного таким же автоматом, как у прапорщика. Наталья с Джамалом оказались посреди сравнительно большого помещения, главным в котором был конечно же рабочий стол с той самой кнопкой. Кнопки, правда, сейчас не было видно, а может ее и вообще заменяли ключи замысловатой формы, лежащие посреди стола, да секретный код, который мог ввести человек, сидевший за столом.

Этого человека подполковник Крупина знала – по фотографии, которую ей показали еще в Москве. Полковник Сорокин, Валерий Николаевич, был командиром ядерного поезда, и на фотографии в парадном кителе с целой россыпью наград выглядел пышущим здоровьем здоровяком с чуть заметными усиками. Теперь же у пульта сидел, безвольно повесив руки, едва не достающие до линолеумного пола, серый от усталости и отчаяния старик, которому полевая форма была на вид велика на несколько размеров. Задорно торчащие на фотографии усы сейчас свисали унылыми сосульками; на левом усе повисла тяжелая капля.

– Слеза, – поняла Наталья, – этот здоровый сильный человек плачет, потому что...

Ее потемневший взгляд остановился на кожаном диванчике у боковой стенки, на котором сидела, скромно сжав колени под длинной юбкой, женщина средних лет. С двух сторон к ней прижимались дети; две девочки, погодки, лет семи-восьми – поздние, и от того особо лелеемые, если только эта женщина была их матерью, а полковник Сорокин... отцом. Строки личного дела командира поезда промелькнули перед глазами быстрой, практически пулеметной очередью, и Крупина с острой жалостью в сердце кивнула:

– Да, это их дети. И этот громила с кривым ножом, что стоит перед ними, совсем не шутит. И другой, что отнял наконец трубку рации от уха и уставился на них с Джамалом, тоже не шутил, богохульствуя на весь вагон и – через трубку – на бородатого араба.

– Впрочем, – теперь она оглядела уже противников, – они все бородаты в разной степени. А этот, на крики которого меня приволокли – спасибо, кстати – орал совсем не на Джамала. Он визжал, через слово поминая грязных животных...

– Этого я делать не буду, – глухо, в пол, повторил – очевидно не в первый раз – полковник Сорокин.

– Будешь, – одним мгновением успокоился Джамал, отпуская руку Крупиной, – еще как будешь.

– Ийе, – удивился рядом бородач помоложе, – ты кого привел, Джамал?

– Кого надо, – грубо оборвал его главарь, которым очевидно и был первый среди арабов знакомец Крупиной, – бери младшую девчонку; начнем с нее – по очереди.

Парень закинул автомат за спину и шагнул к диванчику. Полковник арабского языка скорее всего не знал; но страшный смысл слов Джамала уловил. Он дернулся приваренном к полу стуле, к которому был притянут ремнями и уронил голову на металлическую столешницу, глухо завыв. И Крупина забыла и о своем обещании насчет цитаты из Корана, и о всяком милосердии. Словно безжалостный тайфун пронесся по вагону. Арабов было восемь – и семь из них упали уже мертвыми. И это было милосердием для них, потому что Джамал все-таки еще мог услышать священные строки в последний раз. Но перед этим ему предстояло пройти через такие муки, о которых он даже не подозревал. И выложить все тайны, что знал, и о которых давно позабыл.

Этого длинного, но стремительного движения агента три нуля первый ни полковник, ни его жена с детьми не заметили и не могли заметить. А сама Крупина, которая остановилась за спиной Сорокина, замучилась бы объяснять, отчего у абрека, только что поигрывающего ножиком страшного вида, этот ножик торчит в груди – прямо напротив сердца. И почему у молодого, но уже достаточно бородатого, эта самая борода покорно торчит набок, вместе со свернутой головой. И почему не шевелятся все остальные, кроме мычащего в бессилии Джамала.

На первый вопрос поднявшего наконец голову Сорокина Наталья ответила, даже не дождавшись его:

– Я – подполковник Крупина, Наталья Юрьевна; спецотдел.

Чей это отдел, и какими делами он занимается, полковник спрашивать не стал. Он теперь по настоящему заплакал; беззвучно, и потому страшно. И Крупина отступила в сторону; она поняла, что помочь этому человеку прийти в себя не сможет; что ему сейчас нужны не слова утешения, а родные объятия. Наталья легонько подтолкнула к отцу и мужу сразу троих, и к слезам тут же добавился общий женский плач.

В очередной раз подивившись своему жестокосердию – эта картина если и заставила сжаться сердце, то лишь на несколько долгих мгновений – она продолжила работу «спецотдела». Спрашивать полковника о чем-то сейчас было бесполезно. Гораздо важнее было «зачистить» состав, а потом вдумчиво, хоть и безо всякого удовольствия допросить Джамала. Крупина лишь захватила со столешницы ту самую связку фигурных ключей, опустила из в собственный карман, которому оказывается нашлось место в остатках брюк и пошла – как сама себе призналась «веселиться». Потому что «под ноль» больше никого зачищать не собиралась – так, намять бока и обездвижить, пока «террористами» не займутся по подведомственности. Вообще-то, с зачисткой можно было подождать – запереться внутри бронированной капсулы, в сердце состава, и ждать помощи. Но была еще одна проблема – Лидка.

Ее злой визгливый голос Крупина услышала еще за два вагона. Она успела по ходу обезоружить и отправить в долгий сон всего двух охранников. Пленных солдатиков, которых заперли в собственных кубриках, тревожить пока не стала – пусть разбирается собственное командование. А остальные «террористы» сейчас столпились в том самом вагоне, где Лидию Кочергину прижал к углу прапорщик. Впрочем, сказать «прижал» было бы не совсем верно. Лидка как раз сейчас наступала на него из своего угла, готовая пустить в ход крепкие кулачки. И автомат, которым заслонился от нее прапорщик, совсем не смущал разбушевавшуюся торговку. Она кричала, как и было договорено в «штабе»:

– Я тебе дам... Я тебе сейчас такой пи..., – тут она увидела стоящую с довольной физиономией Крупину и вроде как засмушалась, проглотила последнее слово; а потом заорала совсем оглушительно, – гони деньги вперед, паразит! Гони, как обещал!

Под этот крик Наталья и уложила на пол безжалостными ударами еще четверых ренегатов во главе с прапорщиком. А потом, подмигнув Кочергиной: «Молодец, девка!», – унеслась в хвост состава, продолжать зачистку. Там нашелся лишь один арабчонок – тоже бородастый, но хилый. И этого, последнего живого соплеменника Джамала она пожалела, лишь сломала несколько очень важных костей, что гарантировало – этот человек больше в бандинских налетах участвовать не будет.

Лидка так и стояла с открытым ртом и вытаращенными в ужасе глазами. Крупина помазала перед ее застывшим лицом ладонью:

– Ау, подруга, очнись, – и добавила, поняв причину такого ступора, – да живые они все, девочка, живые. Полежат немного, и встанут...

Наталья открыла дверцу вагона, высунулась в вечернюю свежесть, и пробормотала, так, чтобы не услышала ни Кочергина, ни майор Рычков, уже готовый запрыгнуть на ступеньку впереди своих десантников:

– Если им разрешат подняться. А про тех, в командирском вагоне, тебе знать совершенно не обязательно.

Крупина на мгновенье замерла, подставив лицо вынырнувшему из-за взявшейся непонятно откуда тучки солнцу. И тут же ее лицо – несколько мгновений удивительно благодостное – сменило выражение, стало жестким, погнало от себя волну предостережения и холодной ярости к вершине серого здания, что нависало над привокзальной площадью – даже выше недостроя, где ждали ее русский генерал с американским полковником. Феноменаль-

ное чутье подсказало – ее кто-то буквально сверлит взглядом, причем взглядом вооруженным. Что это было? Может, и прицел снайперской винтовки! И она шагнула назад, в полутьму тамбура, понимая, что в эту дверь она ни за что не выйдет.

Глава 4. Москва. Ресторан «Плакучая ива» Шунт, Волчара и Серый

Шунт развалился на диванчике с довольной улыбкой. В ладонях он грел высокий бокал с пивом, на которое «подсел» в последнее время. Себя он успокаивал:

– Не на наркоте же мне подсаживаться; я ее для других целей тоннами в Москву привожу.

Да – Шунтиков действительно мог назвать себя теперь наркобароном, и ничуть не тяготился таким сомнительным достижением. Впрочем, сам он сомнительным его не считал. А всем недовольным мог показать этот самый бокал с пивом, которое ему специально привозили из Баварии. И еще сказать:

– Ничего личного – просто бизнес. Кто-то торгует пивом, кто-то прокладками с крылышками, а я – афганским герычем.

Ближайшие помощники Шунта – Волчара с Серым, пиво не уважали. Они могли себе это позволить; точнее сам Шунтиков позволял им такое послабление. Серый сидел за столом и неторопливо потягивал виски двадцатилетней выдержки. Волчара не пил совсем – из крепкого, конечно. После давнего ранения он осунулся; скулы теперь выпирали вперед так, что между них терялся хищный нос. Волчара теперь еще больше напоминал свирепого хищника. Здоровье он поправил очень быстро, а вот душевного равновесия так и не вернул. И не мог вернуть; по крайней мере до тех пор, пока в его руках не окажется красotka, самым бесцеремонным образом обобравшая – нет, не его! – Шунта. Но тот миллион был под охраной опытного бандита, и Волчару не успокаивало даже то обстоятельство, что босс не предъявил ему никаких претензий. Больше того – обеспечил своему главному боевику самое лучшее лечение. Даже лично пару раз приезжал в израильскую клинику, где раненый бандит проходил курс реабилитации.

Впрочем, Волчара подозревал, что босс прилетал на Землю обетованную не только ради него; даже не столько ради него. Были у него, наверное какие-то делишки в Тель-Авиве. Да хотя бы на знаменитом средиземноморском пляже косточки погреть.

Волчара внешне выглядел невозмутимым; он вяло ковырял вилкой в каком-то салате, полном морепродуктов, которые он откровенно не любил. Внутри же он был заполнен нетерпением – и сам он, и Шунт с Серым ждали курьера из Коврова. Из города, про который босс, может и забыл, а самому Волчаре напоминала каждый вечер ноющая грудь, из которой хирурги два года назад вытащили пять пуль.

Наконец в дверь осторожно постучали. Босс ответил сам:

– Давай!

Давай – в смысле запускай... сюрприз для самого доверенного помощника. И Волчара действительно вскочил, ощерившись как самый настоящий лесной четырехлапый разбойник. Он одним громадным скачком оказался у двери и навис над жалкой, какой-то изломанной в самых неожиданных местах фигуркой. Только голова у этого человека не претерпела никаких изменений. По ней Волчара и узнал Голову, которого теперь – вполне ожидаемо – называли Квазомодой; именно так, в женском роде.

– Ты, – зарычал в гневе двуногий волк, – почему ты еще жив?!

Он схватил несчастного за горло, от чего тот страшно захрипел, и повернул лицо к боссу, с той же претензией:

– Почему он еще жив?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.